

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 $\frac{344}{5}$ 263.11

Т Р У Д Ы
ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД · 1940

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ ДО XVI В.

Государственный Эрмитаж обладает лучшими в мире собраниями памятников культуры и искусства народов Средней Азии. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одного столетия, начиная с глубокой древности и до XIX в., которое не было бы представлено какой-нибудь группой интересных предметов. В основном среднеазиатские собрания сложились после Великой Октябрьской Социалистической Революции. До этого в бывшем Императорском Эрмитаже имелись отдельные высокохудожественные вещи, как, например, знаменитые резные деревянные двери из Гур-Эмира или так называемый Гератский котелок 1163 г. Старый Эрмитаж ценил только драгоценности, предметы высокого искусства и раритета. Само же творчество народов Востока и в частности народов Средней Азии его не интересовало. Русский царизм не имел никакого желания выдвигать памятники культуры и искусства таджиков, узбеков и других народов Средней Азии, ибо не уважал ни самих этих народов, ни крупных достижений их культуры в древности и средние века. Только после установления Советской власти, когда все народы бывшей царской России получили вместе со свободой широкие возможности для своего культурного роста, перед Эрмитажем встала ответственной задачей показать широким массам подлинную культурную жизнь народов Кавказа, Средней Азии и зарубежного Востока и их художественные и другие достижения в те эпохи, когда культура Востока и в частности Средней Азии была по своему времени весьма передовой. Именно в связи с этой задачей и был открыт в Государственном Эрмитаже специальный Отдел Востока, насчитывающий ныне свыше 70 выставочных зал, охватывающих несколько исторических эпох, начиная от древнейшего Египта и до современного Китая. Коллекции Эрми-

тажа по истории культуры и искусства Средней Азии росли чрезвычайно быстро, и то, что в других крупнейших музеях мира накапливалось в течение целых столетий, у нас в СССР, благодаря социалистической революции, собрано было буквально в какие-нибудь 10 лет. Среднеазиатские собрания в основном слагались следующими путями: включением в состав Эрмитажа соответствующих предметов и их коллекций из других музеев, переходом в Эрмитаж собраний, принадлежавших до того частным крупным собственникам из числа дореволюционной знати и буржуазии, покупкой отдельных памятников и небольших групп их у частных лиц и поступлением непосредственно с мест находок от археологических экспедиций. В дореволюционное время в составе среднеазиатских собраний Эрмитажа имелись: Хивинская сокровищница украшений из золота и серебра, поступившая вскоре после хивинского похода 1873 г.; предметы, вывезенные в 1885 г. проф. Н. И. Веселовским из Туркестанского края, предметы, приобретенные им же в Самарканде в 1895 г.; предметы из коллекции Мирзы Бухарина, купленные в Самарканде в 1888—1889 гг.; предметы из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1904 г., а также подношения бухарского эмира в 1910—1911 гг. В революционное время среднеазиатские собрания стали быстро расти. В 1925 г. в Эрмитаж влилась прекрасная коллекция изразцов, керамики, ковров, тканей и других вещей из бывш. музея Штиглица, известного богатями собраниями по прикладному искусству. В 1930 г. в Эрмитаж поступило большое собрание изразцов, керамики и других предметов из Русского Музея. В 1931 г. — большая коллекция керамики из Музея Антропологии и Этнографии Акад. Наук СССР. В 1936 г. приобретена не большая, но весьма ценная коллекция ковров С. М. Дудина, а в 1937 г. — замечательное собрание Б. Н. Кастальского, преимущественно памятников домусульманского прошлого Средней Азии. В 1938 г. Эрмитаж в качестве дара правительства Узб. ССР получил резной фриз с изображением музыкантов из Айртама — памятник искусства I в. до х. э. — I в. х. э.

С 1929 г. в Эрмитаж стали поступать материалы из археологических экспедиций, организованных как самим Эрмитажем, так ИИМК'ом, Узкомстарисом и другими научными учреждениями. Эти поступления, заключая в себе весьма ценные и уникальные памятники, имеют большое научное значение, поскольку весь этот экспедиционный раскопочный, иногда фрагментарный материал не только строго локализован, но часто и стратиграфически (в смысле отношения к тому или иному культурному слою) строго определен. В их числе имеются материалы Сугнака 1927 г., Ургенча 1928—1929 гг.,

Ст. Мерва 1929 г., Согдийского замка на горе Муг 1933 г., Зарафшанской экспедиции 1934 г., Термеза 1936 г., Тараза 1937, 1938 и 1939 гг., Варахши 1937—1938 гг., Хорезмийской экспедиции 1938 г., Тали-Барзу и Пейкенда 1939 г.

Огромные среднеазиатские собрания охватывают почти все территории братских Социалистических Республик — Узб. ССР, Каз. ССР, Турк. ССР, Тадж. ССР, Кирг. ССР. В смысле времени памятники эти охватывают несколько исторических эпох, начиная от первой половины I тысячелетия до х. э. и до XIX в. Совершенно особое место среди этих материалов занимает собрание памятников культуры и искусства домусульманской Средней Азии. Здесь мы имеем греко-бактрийские монеты, великолепные и вместе с тем уникальные айртамские фризы, изумительные по своему разнообразию и художественному мастерству терракотовые головки из Согда, Мервского оазиса и других мест; фрагменты оссуариев (астоданов), среди которых биянайманские представляют собой исключительные памятники культуры и искусства Средней Азии конца сасанидской эпохи, фрагменты резных штук с изображением животных, птиц, человеческих лиц и растительных композиций из Варахши, очажки, резные камни, замечательное стекло из Самарканда (городище Афрасиаб), многие экземпляры которого, по видимому, относятся к доисламскому времени, бусы, мелкие предметы из бронзы, кости и камней; глиняные предметы (фризы, статуэтки, фигурные изображения животных и др.) из правобережного Хорезма. Очень ценными среди этих материалов являются, наконец, памятники согдийской письменности на коже и палках конца VII и начала VIII вв., т. е. времени арабского завоевания, согдийский деревянный, обтянутый кожей щит с изображением воина-всадника того же времени, фрагменты стрел, тканей и других предметов из находок на горе Муг. Большая часть перечисленных групп памятников и даже отдельных предметов по существу еще не была предметом серьезного научного исследования, хотя о них и имеются некоторые работы подготовительного характера;¹ а между тем можно со всей категоричностью сказать, что без привлечения и тщательного изучения богатейшего доисламского собрания Эрмитажа невозможно написать ни одной ответственной главы из истории культуры и искусства Средней Азии в доарабский период. В качестве иллюстрации к только что выдвинутому положению приведу следующий факт. Вопросы этногенеза

¹ В. А. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. М. Е. Массон. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков х. э., изд. Узкомстариса, Ташкент, 1933 г. Camilla Trever. Terracottas from Afrasiab, изд. ГАИМК, Москва—Ленинград, 1934 г.

народов Средней Азии являются наиболее актуальными и всегда уведут исследователя в глубь веков. Решать их приходится, опираясь на всю совокупность источников — на данные письменных памятников, языка и материальной культуры. В данном случае последняя категория источников, т. е. вещественные памятники, играет особо важную роль. Эрмитаж обладает лучшим в мире собранием терракотовых головок. Это не только весьма выразительные памятники искусства ахеменидской, греко-бактрийской, кушанской и сасанидской эпох, но и целый этнографический музей народов, в древности живших в Средней Азии, народов как оседлых, так и кочевых. В собрании терракотовых головок наверняка имеются изображения саков, кушанов, согдийцев, эфталитов, тюрков и других племен и народов. Работа по этническому определению головок в нашей науке еще не сделана, даже по существу еще не начата, хотя уже имеется хорошо выполненная аннотированная публикация К. В. Тревер,¹ могущая принести большую пользу при решении проблемы этногенеза народов Средней Азии. Сознвая всю важность этого источника для вышеуказанной проблемы, нельзя забывать больших трудностей в пользовании им. Еще С. Ф. Ольденбург в беседах с востоковедами, занимающимися вопросами истории культуры домусульманской Средней Азии, не раз говорил, что изучение и этническое определение терракотовых головок из Афрасиаба требуют от исследователя больших и разнообразных знаний. Согд, откуда вышли главные группы этих головок, был стыком, где скрещивались культурные течения из Индии, Восточного Туркестана, Афганистана, Ирана. Здесь оставило свои следы греко-бактрийское, кушанское и буддийское искусство, здесь была, повидимому, если не родина зороастризма, то во всяком случае находился один из наиболее важных и наиболее древних центров его развития. Не случайно, находка фрагмента хума (в ахеменидском слое Тали-барзу) с изображением гопатшаха — быка с лицом человека — дала возможность написать К. В. Тревер статью на тему „Гопатшах — пастух-царь“, в которой проводится мысль (в порядке гипотезы) о согдийском происхождении зороастризма. Только в условиях сложной культурной обстановки и могло зародиться такое большое разнообразие художественных стилей терракотовых головок. Ведь даже беглого взгляда достаточно, чтобы отличить головку эллинистического типа от головки с чертами сасанидского стиля. Более того, только разбираясь в сложном переплете политических событий, когда культурные области Средней Азии подвергались неоднократному завоеванию кочевников, можно понять все разнообразие

¹ Camilla Trever. Terracottas from Afrasiab, изд. ГАИМК, 1934 г.

этнических типов, столь характерное для всего этого материала. Без труда можно отличить головки с тюркскими лицами от головок в остроконечных шапках и с чертами лица, напоминающими нам причерноморских скифов. Однако, если одни группы головок легко распознаются и определяются в стилистическом и этническом отношении, то другие (а их большинство) поддаются определению с трудом и требуют знания всей политической и культурной обстановки в Средней Азии в древности, во всяком случае с походов Александра Македонского (IV в. до х. э.) и до арабского завоевания (конец VII в.). Наши знания доисламской Средней Азии за период после 1917 г. значительно выросли, и теперь много легче ставить вопросы этногенеза народов Средней Азии, чем прежде, и если, скажем, вопрос об этногенезе таджиков на наиболее древнем этапе их существования упирался раньше только в проблему, как согдийцы после арабского завоевания стали трансформироваться в новой исторической и культурной обстановке в таджиков, то теперь мы можем вопрос в целом углубить и решать в связи с этногенезом согдийцев, а также с сакским, кушанским и другими вопросами. Не подлежит сомнению, что терракотовым головкам из Афрасиаба и их эрмитажному собранию при изучении этой большой проблемы будет принадлежать почетное место, как одному из наиболее важных, хотя и очень сложных и трудных источников.

Одним из сложных вопросов истории культуры доисламской Средней Азии является греко-бактрийская проблема. Основателем могущества греко-бактрийского царства считается Евтидем из Магнесии, положивший начало новой греко-бактрийской династии. Произошло это еще до 212 г. до х. э., однако культурное воздействие античности, иначе говоря эллинистические черты в культуре и искусстве Средней Азии начались раньше, вместе с походами Александра и вслед за ними. Собственно говоря, мы в первом периоде греко-бактрийского царства, т. е. до походов Димитрия в бассейн нижнего Инда (около 175 г. до х. э.) имеем только два крупных культурных очага греко-бактрийской культуры: район Бактр и Термеза с одной стороны, и область Самарканда с другой. И не случайно, что именно отсюда и происходят главные находки эллинистического характера. Эллинистические головки происходят главным образом из окрестностей Самарканда. За последнее время таким очагом является Тали-Барзу, одним из культурных слоев которого является ТБ III — эллинистический слой. Высшее выражение эллинистических черт мы находим в головках на подручниках глиняных сосудов.

В составе эрмитажного собрания терракотовых головок имеется немало экземпляров чисто эллинистического характера,

имеются даже образцы, близкие находкам в Тали-Барзу III. По-видимому, большинство из этих предметов, если и не относится прямо к концу III и первой половине II вв. до х. э., когда и существовало греко-бактрийское царство, то во всяком случае ко времени, близкому от него. Так, по крайней мере, заставляет предполагать сам материал, поскольку на указанных головках даны черты античного лица („греческий нос“, небольшой рот и др.). Однако главные памятники с эллинистическими чертами оказались не в Самаркандском районе, а в долине Аму-Дарьи, недалеко от Термеза в Айртаме. Здесь в 1932 г. найдена была часть фриза из известняка с изображением трех музыкантов. В 1933 г. на месте находки произведены были археологические работы под руководством М. Е. Массона и найдено было еще несколько дополнительных кусков фриза с аналогичными изображениями.¹ Лучшим из фрагментов фриза остается все же тот, который обнаружен был в 1932 г. Фриз является одним из самых замечательных художественных памятников восточного искусства. В изображениях на нем черты античности сочетаются с местными традициями весьма ярко. Античные элементы выражены в аканфовых листьях, „греческом носе“, изогнутых бровях, местные традиции и приемы — в изображении прически и украшениях (ожерелье, браслеты, серьги). Айртамский фриз — памятник несомненно эллинистической культуры, хотя по целому ряду признаков относится к тому времени, когда жило кушанское искусство, которое вводило в эллинистические традиции указанные выше местные черты в очень большой дозе, что и выражено на некоторых фрагментах не только в прическе и украшениях, но и в лицах.

Айртамский фриз имеет о себе уже несколько работ. Кроме статей М. Е. Массона,² фризу дается характеристика в статье К. В. Тревер „Греко-бактрийское искусство“.³ Последнее время фриз стал предметом всестороннего изучения в монографии К. В. Тревер, которая должна выйти в ближайшее время. К. В. Тревер дает другую датировку памятнику, отодвигая его к самому началу х. э. или даже несколько раньше. В собрании Эрмитажа имеются прекрасные греко-бактрийские монеты, часть их с территории Средней Азии, и ряд других памятников, по преимуществу серебряных (фалары, сосуды

¹ М. Е. Массон. Скульптура Айртама, „Искусство“ № 2, 1935 г., стр. 129—134.

² М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков х. э. Изд. Узкомстариса, Ташкент, 1933 г.

Его же. Упомянутая выше „Скульптура Айртама“.

³ III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Труды. Изд. Акад. Наук СССР. 1939, стр. 262—270.

и др.), памятников, явно относящихся к греко-бактрийскому кругу, однако пока не локализованных точно в смысле места их изготовления. Сказанного достаточно, чтобы показать, насколько важно собрание Эрмитажа для изучения греко-бактрийской проблемы, по существу оно уникально. Обстоятельство это, конечно, содействовало тому, чтобы именно в Эрмитаже по-новому сделана была попытка не только поставить, но и решить ряд вопросов из области греко-бактрийской культуры и искусства. Начато это докладом К. В. Тревер на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии и продолжено ее же работой „Греко-бактрийское искусство“, которая в ближайшее время должна выйти в свет. Еще более сложной, чем проблема греко-бактрийского искусства, является упомянутая выше проблема кушанского искусства. Только теперь мы научаемся различать кушанские памятники от предшествующих им памятников греко-бактрийского времени. Среди прежде не изученных материалов в собраниях Госуд. Эрмитажа имеется большое количество предметов, которые теперь определяются, как кушанские. В них античные черты звучат уже как отголосок прошлого, а местные элементы настолько ярко выражены, что придают свой особый характер. На основе проведенного стилистического анализа К. В. Тревер удалось немало кушанских памятников выделить среди афрасиабских терракот для выставки „Культура и искусство Средней Азии“.

Одним из интереснейших отделов среднеазиатских собраний Эрмитажа является, бесспорно, богатая коллекция так называемых оссуариев, по-ирански — астоданов, глиняных костехранилищ, наиболее ценные экземпляры которых происходят из развалин Афрасиаба и из селения Биянайман (близ Каттакургана). Богатая орнаментация этих костехранилищ дает обильный материал не только для истории старого согдийского искусства, но и для целого ряда историко-культурных вопросов, как то: вопросов одежды, оформления жилища и проч., особенно же для характеристики среднеазиатского зороастризма, который, долгое время сосуществуя бок-о-бок с буддизмом, неизбежно должен был в ряде моментов отличаться от зороастризма центральных и западных областей Ирана. В этом отношении особенно ценны биянайманские оссуарии, на которых, как показала работа А. Я. Борисова „К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях“, представлены, вероятно всего, бог времени Зрван и четыре священные стихии зороастрийцев в образе художественно выполненных человеческих фигур.

Несколько лет назад, в 1933 г., экспедицией Акад. Наук СССР в замке на горе Муг, в верховьях Зарафшана (выше

Педжекента) в Таджикистане, сделаны были замечательные находки. Памятники согдийской письменности на коже и палках и китайской на хлопчатой бумаге — конца VII и начала VIII вв., обнаруженные там, произвели в полном смысле слова поворот в истории изучения Согда, поскольку они ввели в науку материал письменного языка, жившего там накануне арабского завоевания и заключающего ряд важных политических и культурных фактов, ныне публикуемый их исследователем, членом-корреспондентом Акад. Наук проф. А. А. Фрейманом. Наряду с памятниками письменности в числе находок имеются и предметы согдийской материальной культуры и искусства того же времени, среди которых прежде всего выделяется деревянный щит, обтянутый кожей, с изображением согдийского всадника. К сожалению, щит не сохранился полностью. Изображение сделано полихромной росписью — красной, темнозеленой и оранжевой. Всадник изображен в полном боевом снаряжении. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что все изображение сделано незаурядным мастером и что стиль изображения свидетельствует о зрелой живописной школе, проделавшей до того длительный путь развития. Не вдаваясь в описание ни коня, ни всадника, ни вооружения, следует все же сказать, что и в головном уборе коня и в самой конской сбруе имеются черты сасанидского стиля, что, конечно, нельзя еще понимать как результат прямого воздействия Ирана, ибо т. н. сасанидские черты могли прекрасно вырасти и на местной почве. Стройностью и изяществом отличается всадник, вооружение которого легко определяется при внимательном рассмотрении изображения.

Согдийский щит с изображением всадника — самое крупное произведение согдийского изобразительного искусства конца VII и начала VIII вв. и вместе с тем самый выразительный и надежный источник для выяснения вопроса о костюме и вооружении согдийской знати того же времени. Немалую научную ценность представляют и небольшие кусочки шелковых и хлопчатых тканей. Их изучение приведет исследователя не только к тому, какие сорта тканей ввозились в Согд из Китая, Ирана и других стран, но и какие выделялись на месте в разных его пунктах. Характерно, что не нарративные источники, а археологические памятники помогли в последние годы не только поставить, но и, правда в самых общих чертах, разрешить вопрос о том, что Согд и Хорезм были накануне арабского завоевания странами высококультурными и что арабы на грани VII — VIII вв. насильно прервали местное культурное развитие, которое, хотя и было в постоянной взаимосвязи с соседними областями, однако имело в себе много черт самобытности. Только теперь, после таких археологических

открытий, как айртамские фризы, резные композиции из Варахши и находка на горе Муг, мы можем понять, как велик был удар, нанесенный согдийской культуре арабским завоеванием. Два века, прошедшие от покорения Средней Азии арабами до расцвета городской жизни при Саманидах, настолько изменили культурное лицо Согда, насколько мало похож упомянутый выше согдийский щит на любое художественное произведение X в., и это при всем том, что Саманидская династия готова была поддерживать некоторые древнеиранские традиции, наиболее ярким выражением чего является весьма благоприятная атмосфера, при которой протекало начало творчества великого Фердоуси. Вышеприведенного вполне достаточно, чтобы представить, как значительно по своим художественным и научным качествам эрмитажное собрание доисламских памятников культуры и искусства Средней Азии.

Эрмитаж обладает также прекрасным собранием предметов, относящихся к периоду IX—XII вв., т. е. ко времени, когда Средняя Азия находилась под властью сначала Саманидов (до конца X в.), а потом Караханидов (XI—XII вв.). Правда, собрание это не носит той уникальности, которая так характерна для доисламских памятников, однако и оно представляет большой фактический материал по вопросам истории культуры и искусства того периода в истории Средней Азии, когда складывающееся феодальное общество в его городской части уже почти насквозь пропиталось идеологией ислама. Принесся немало бедствий населению Согда и Хорезма, прервав местные культурные традиции, арабское завоевание внесло и несколько положительных моментов. Наиболее важным является расширение культурного и торгового общения с Передней Азией, вместе с которой территория Согда и Хорезма и других областей Средней Азии вошла в состав арабского халифата. Это обстоятельство содействовало дальнейшему развитию прогрессивных сил внутри вышеуказанных областей. VIII—IX вв. были очень благоприятны для роста среднеазиатских городов — Самарканда, Бухары, Мерва, Ургенча и других. Городская жизнь получила свое полное феодальное оформление при Саманидах в X в. и продолжала свое дальнейшее развитие под властью тюркской династии Караханидов (XI—XII вв.). Почти все памятники из собрания Эрмитажа, относящиеся к этим периодам истории Средней Азии, являются продуктом городского художественного ремесла, преимущественно Самарканда (городище Афрасиаб). К саманидскому времени (IX—X вв.) относится по преимуществу прекрасное эрмитажное собрание афрасиабской керамики. Высокая техника гончарного производства (тонкостенные прочные сосуды, прекрасная глазурь, яркость красок), разнообразие форм, характер-

ные для нее росписи по белому фону красным и черным и по красному фону белым и черным (вместе с другими цветами), высокая техника орнаментации неполивных сосудов — ставят эту керамику на одно из первых мест в истории феодальной художественной керамики Востока. Это мастерство говорит о большой одаренности создавшего его народа — согдийцев, предков таджиков. К сожалению, до сих пор нет ни серьезной публикации — каталога афрасиабской керамики, ни специальной монографии, если не считать двух глав в книге В. Л. Вяткина „Афрасиаб — городище бывшего Самарканда“: „Глиняная неполиваная посуда“ (стр. 30—41) и „Поливаная посуда“ (стр. 41—51). Главы эти написаны лучшим знатоком Самарканда и его городища Афрасиаба, имеют много достоинств, однако заменить собой указанной монографии, в которой имеется большая нужда, не могут.

Афрасиаб не является единственным местом производства т. н. афрасиабской керамики; по всей долине Зарафшана в развалинах древних городов и селений находится та же керамика, в тех же формах, в той же технике, с той же орнаментикой и с теми же красками. Керамику эту можно назвать согдийской, как это и сделал В. Л. Вяткин в своем „Афрасиабе“.¹ После сбора материалов, произведенных в ст. Мерве в 1929 г., в долине Зарафшана в 1934 г. и в Таразе в 1936—1938 гг., изучать изолированно афрасиабскую керамику нельзя. Согдийская керамика саманидской эпохи была широко распространена, имела не один центр своего производства, однако главным образом в Самарканде имела свои наивысшие достижения. Весьма важным моментом экспозиции афрасиабской керамики является вопрос о характере ее орнаментики. Для IX—X вв. мы не найдем другого материала, где так полно была бы представлена орнаментика. Тогда уже при исламе, как „афрасиабская“ керамика. Существенным является и тот факт, что образцы арабской письменности на этой керамике являются наиболее древними после арабского документа на коже начала VIII в.² Для эпиграфики и палеографии надписи на афрасиабской керамике являются ценнейшим материалом. Нет сомнения, что занимающийся вышеотмеченными вопросами не может не привлечь, если даже не положить в основу своего исследования, соответствующего эрмитажного собрания.

Совершенно особое место занимает не большое, но весьма ценное собрание стекла, главным образом из приобретенной

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 41.

² Письмо Диваштича к эмиру ал-Джаррах ибн-Абдаллаху, написанное между концом 717 и апрелем 718 гг. В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии, Согдийский сборник, стр. 59 и сл.

Эрмитажем коллекции Б. Н. Кастальского. Едва ли это не лучшее собрание афрасиабского стекла в СССР. Имеется немало почти цельных предметов. Стекло весьма разнообразно, можно изучить не только отдельные формы сосудов и их назначение, но и группы их по технике изготовления и художественной выразительности. О стекле среднеазиатском, в частности самаркандском (городище Афрасиаб), не написано почти ни одной статьи, а между тем среднеазиатское стекло высоко ценилось за пределами самой Средней Азии, особенно в Китае. Известно торговое посольство в 424 г. в Китае,¹ в составе которого были ремесленники стекольного производства, умевшие выделывать стекла пяти цветов. Посольство это было из Верхнего Тохаристана (Таджикистан). Отправлялись стекла в Китай и в VII—VIII вв. из области Балха, т. е. древних Бактр. К сожалению, в китайских источниках, откуда взяты эти сведения, не имеется никаких справок о самаркандском стекле, а между тем именно здесь, на городище Афрасиаб, найдено было большое количество стекла.² Кроме отмеченных в примечании заметки Н. И. Веселовского и 3 страниц В. Л. Вяткина, посвященных самаркандскому стеклу, никто о нем не писал и им не занимался.

В настоящее время мы даже не можем провести работы по хронологическому определению разных групп стекла. Для этого у нас нет надежного критерия. Пока приходится в этом отношении опираться на аналогичный материал из других областей Востока и на чутье, что, конечно, не может дать уверенности в правильности выдвинутого предположения.

Власть тюркских ханов из династии Караханидов не остановила прогрессивного развития городов Средней Азии в XI—XII вв., однако само их завоевание было первое время на грани X—XI вв. для ряда городов, особенно небольших, полной катастрофой. Повидимому, большое потрясение пережили Самарканд и Бухара. Потрясение это сказалось в городах прежде всего на ремесле и в частности на гончарном производстве. Остаётся фактом, что поливная керамика XI—XII вв., не заключая в себе по существу ничего нового, является третьестепенным изданием того, что выделывалось в саманидское время.

Иная судьба была у строительного искусства. В XI—XII вв. по всей Средней Азии — в Мерве, в долине Зарафшана, осо-

¹ Н. И. Веселовский. „Заметки о стекольном производстве в Средней Азии“, ЗВО, VIII, 137—138. Здесь приведены сведения из китайских источников.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 60—63. Здесь дано краткое описание различных групп афрасиабского стекла без попыток его датировки.

бенно в Самарканде, Бухаре — архитектура достигает большого мастерства и своими дошедшими до нас памятниками не уступает лучшим образцам Передней Азии того же времени. При Саманидах строили много, однако в долине Зарафшана сохранились только две постройки: мечеть в Хазаре (быть может даже конца VIII или начала IX вв.) и замечательный мавзолей Исмаила Саманида. Последний архитектурный памятник — уже продукт большого пройденного культурного пути, он скорее заканчивает в конструктивном и декоративном отношении определенный цикл развития, чем создает новый. В собрании Эрмитажа нет материалов, относящихся к этому памятнику, и если я о нем упоминаю, то только потому, что без него не понять дальнейшего развития архитектуры Средней Азии. Зато в собрании Эрмитажа имеется лучшая в мире коллекция резных неполивных изразцов с памятников Самарканда, Узгента и других, относящихся к XI—XII вв., т. е. ко времени, когда последние были под властью Караханидов и Сельджуков. Изразцы эти представляют новый этап в декоративности зданий по сравнению с тем, что в этой области было в саманидское время. Эрмитажная коллекция караханидских изразцов весьма разнообразна, она дает полную возможность проследить, что было сделано соответствующими мастерами в технике изготовления художественного резного, неполивного изразца ко второй половине XII в., к каковому времени и относится подавляющая часть этих изразцов. Правда, на материале эрмитажного собрания не проследить эволюции, которую проделал неполивной изразец, от простого кирпича к сложной орнаментальной композиции из геометрического плетения, растительных мотивов и надписей в технике резьбы по глине, нельзя проследить, так как не имеется достаточного количества изразцов с караханидских памятников более раннего времени, т. е. XI и первой половины XII вв., без чего не получить нужных посредствующих звеньев. Однако эрмитажное собрание дает, если не все, то почти все виды резных неполивных изразцов для времени, когда богатая их орнаментика сложилась почти окончательно и выработала в этой области уже свои каноны. Среди изразцов этих мы найдем прекрасные экземпляры с композициями геометрических линий, где нет ни одного растительного мотива. Богатая группа изразцов дает образцы (весьма разнообразные) орнаментных композиций, образованных сочетанием геометрического плетения и растительных мотивов. Наконец, имеются и такие изразцы, где большую роль в качестве орнаментного момента играет надпись. Чаще всего в качестве третьего орнаментного момента она входит во вторую из отмеченных категорий. Кто занимается вопросами сложения изразцовых орнаментов на архитектурных памятниках Средней Азии,

знает, что последующее время, XIII—XV вв., ничего почти не прибавило в области орнаментики к тому, что было сделано к концу караханидского времени. Резные изразцы XIV—XV вв. отличаются от изразцов XII в. только тем, что они целиком покрывались поливой, сами же орнаментные композиции остались прежними, канон для них был уже достаточно полно разработан.

В собрании Эрмитажа имеется несколько прекрасных изделий из бронзы, характеризующих уровень художественных вкусов феодального общества Средней Азии и достижения техники художественного ремесла бронзовщиков. X—XII вв. — время расцвета художественной обработки металла (бронзовых изделий) с ярко выраженной орнаментикой, принявшей в ряде моментов характер канона. Бронзовые изделия Средней Азии XI—XII вв. имеют свои специфические черты в технике, форме, орнаментике. Среди выдающихся памятников необходимо отметить всемирно известный, купленный в Бухаре, Гератский котелок 1163 г.¹ и Кашгарское блюдо XII—XIII вв.² Блюдо настолько интересно как памятник культуры и искусства, что должно стать предметом специальной монографии.

Для Средней Азии весьма характерным является сочетание культурной земледельческой полосы и кочевой степи. Последняя играла большую роль в жизни культурных областей Средней Азии. В собрании Эрмитажа имеются прекрасные серебряные сосуды: кумысная чаша, повторяющая формы деревянных чаш, небольшие чашки, сосуд с орхонской надписью на ручке³ и другие предметы VIII—XII вв. Каменные „бабы“ — балбалы из Джетысу (Семиречья) — в большинстве своем изображения убитых врагов, которые по представлению тюрков-кочевников ставились на могиле умерших в качестве служащих им в загробной жизни. Материалы эти дают возможность изучить некоторые важные моменты культурной жизни кочевников-тюрков.⁴

Из экспедиции Эрмитажа и Узкомстариса 1934 г. имеются материалы, рисующие жизнь укрепленных стен, ограждавших в древности до X в. Бухарский вилайет от нападений кочевников-тюрков. Вещественные памятники (фрагменты сосу-

¹ Н. И. Веселовский. Гератский бронзовый котелок. СПб, 1910 г. К. А. Иностранцев. Бронзовый котелок 559 г., хид., Изв. Арх. Ком., вып. 60, 1916 г. В. Кесати. Гератский бронзовый котелок 1163 г. Памятники эпохи Руставели. Изд. Акад. Наук СССР, 1938, стр. 237—246.

² А. Якубовский. Кашгарское блюдо XII—XIII вв. Там же, стр. 209—216.

³ П. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВО, XIV, в. I, 017—022.

⁴ О каменных „бабах“ имеется статья, еще не напечатанная, А. Н. Бернштама „Археологические материалы из Семиречья“.

дов, шлаки, строительные материалы, остатки стен, монеты) вместе с другими материалами экспедиции дают полную возможность изучить систему бывших укреплений против кочевников — Кампыр-Дувал.¹ Богатый материал имеется в Эрмитаже по Таразу, городу в долине реки Таласа, который в древности сочетал в себе высшее достижение согдийской культуры, близость к кочевой степи, ее влияние на себе, так же как и влияние проходившей через него знаменитой шелковой караванной дороги. Материал этот получен от экспедиции Каз. филиала Акад. Наук СССР и ИИМК под руководством А. Н. Бернштама.² Ни на чем, пожалуй, не изучить так всей сложности культурного взаимодействия земледельческих оазисов и кочевой степи, как на вещественных памятниках Тараза (ныне г. Джамбул). В настоящее время работа эта ведется А. Н. Бернштамом и его сотрудниками.

В собрании Эрмитажа весьма мало памятников культуры и искусства, относящихся ко времени XIII и первой половины XIV вв. Имеется несколько изразцов,³ правда весьма ценных, из Ургенча и Бухары и достаточно полное по разнообразию собрание черепков поливной и неполивной керамики XIII—XV вв. из Куня-Ургенча — места развалин знаменитого когда-то Ургенча. Последний материал дал автору настоящих строк возможность написать специальную работу — „К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке“,⁴ в которой он проводил мысль и, как ему представляется, доказал, что вся поливная керамика Сарая-Берке сложилась при непосредственном участии мастеров, вывезенных из Хорезма, и оставленной ими в Сарая-Берке художественно-ремесленной школы.

Время Тимура (1370—1405) в культурной жизни Средней Азии занимает важное и вместе с тем особое место. Два крупнейших факта из истории этого царствования определяют исторический характер вещественных памятников конца XIV и начала XV вв. Известно, что 35 лет царствования Тимура были временем почти непрерывных грабительских его походов, когда победоносные армии возвращались с огромной

¹ См. в настоящем сборнике мою статью „Зарафшанская экспедиция 1934 г.“.

² См. в настоящем сборнике его статью „Тюргешские монеты из Тараза“.

³ Один из изразцов взят еще в 1873 г. во время Хивинского похода с мавзолея Шейх-Шерефа (XIII в.) или, как думают теперь некоторые, хорезмшаха Текеша (1172—1200). Изразец представляет собой большую плиту с прекрасной бирюзовой поливой и обрывком надписи в технике налепа.

⁴ А. Ю. Якубовский. „К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке“. Известия ГАИМК, т. VIII, В. 2—3.

добычей, в состав которой кроме материальных ценностей входили и живые силы художников, мастеров-строителей, ремесленников, в том числе ремесленников по выделке художественных бронзовых изделий, тканей, ковров, керамики и т. д. Эти живые силы, вывезенные Тимуром в Среднюю Азию, по преимуществу в Самарканд, из Хорезма, Ирана, Малой Азии, Закавказья, использовались на новом месте еще в большей мере, чем у себя. На многих изделиях художественного ремесла этого времени лежит рука пленных, которые вместе с пленом потеряли свободу передвижения и труда, поскольку, хотя и за хорошее вознаграждение, должны были выполнять даваемые им властью заказы. Это первый факт, с которым приходится считаться при изучении материалов тимуровского времени. А вот и второй факт. Огромные богатства, которые поступали в казну Тимура в результате полного ограбления завоеванных стран, употреблялись на постройки дворцов, в том числе загородных, мечетей, мавзолеев и т. д., которые своими размерами или красотой и богатством своей декорации, а часто тем и другим должны были возглашать величие и славу среднеазиатского завоевателя. И действительно, имеющиеся в собрании Эрмитажа памятники культуры и искусства конца XIV и начала XV вв. так или иначе связаны с выражением именно этого замысла. Будучи весьма ценным по количеству первоклассных вещественных памятников, эрмитажное собрание тимуровского и тимуридского времени несколько однообразно. Основным материалом этого собрания являются изразцы. Сюда входит большое количество прекрасных поливных изразцов — резных, расписных, мозаичных с разных построек Самарканда и отчасти других мест.¹ Ценность изразцов этих не только в высоком качестве красок и глазури, но и в том, что почти все они определены, благодаря чему их можно изучать целыми группами и даже определенными композициями по конкретным архитектурным памятникам. Изразцы в декорации порталов, куполов, наружных стен зданий в Средней Азии играют решающую роль. Художественная обработка изразцов в виде ли резьбы, росписи или мозаичного набора, ее тематика и техника — один из больших вопросов истории искусства феодальной Средней Азии. Изучать этот вопрос на эрмитажном материале весьма удобно. Хотя эрмитажное собрание изразцов в целом, включая все периоды их развития, и не может претендовать на исчерпы-

¹ См. И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Изд. Государственного Эрмитажа, 1923 г. Здесь изложены вопросы истории техники изготовления изразцов, а также некоторые вопросы из истории происхождения орнаментов на них.

вающую полноту, все же оно настолько богато, что может быть положено в основу соответствующей исследовательской работы с привлечением, конечно, материалов из других музеев (Ташкент, Самарканд и др.), а также сохранившихся памятников, где изразцы эти и поныне существуют. Выше уже говорилось, что мастера XIII—XIV вв. не дали ничего по существу нового в смысле тематики (разве, что изображение лотоса) по сравнению с тем, что в области геометрического плетения, растительного сюжета и надписей сделано было еще при Караханидах и Сельджуках, т. е. в XI и XII вв. Новое в XIII и XIV вв., а повидимому, в некоторых местах и во второй половине XII в. сделано было в области техники изготовления мозаичных и расписных изразцов; что же касается поливы, то уже в XII в. мастера достигли здесь высокого качества изготовления последней, что и видно на некоторых памятниках конца XII и начала XIII вв.

Во всяком случае на резных изразцах из соборной мечети, раскопанной на Афрасиабе, имеется прекрасная полива, наложенная только частично. В XIV—XV вв., как выше уже было отмечено, мастера предпочитали покрывать глазурью всю поверхность резного или мозаичного изразца. Среди отдельных памятников тимуровского и тимуридского времени необходимо отметить замечательные деревянные двери из Гур-Эмира, о которых следует, наконец, написать специальную работу, ибо они представляют собой один из самых лучших образцов художественной обработки дерева. Станет, надо надеяться, предметом специальной работы и резной оникс XV в., также один из прекрасных образцов художественной обработки камня. В составе эрмитажного собрания имеются огромный бронзовый котел и два бронзовых подсвечника из мечети Ходжа Ахмед Ясеви. Предметы выполнены по личному заказу Тимура иранскими мастерами. Изделия эти были уже предметом неоднократного упоминания и исследования.

В связи с изучением художественных памятников тимуровского и тимуридского времени в советской литературе был поставлен вопрос о месте, которое заняли иранские мастера в среднеазиатском изобразительном искусстве.¹ Вывезенные Тимуром мастера, работая над созданием художественных изделий из бронзы, мрамора, дерева, глины и других материалов, не механически переносили приемы своей техники и привычные им сюжеты, а считались с тем, что в этой области было сделано в самой Средней Азии и, в частности,

¹ См. А. Ю. Якубовский. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. III Международный конгресс по Иранскому искусству и археологии. Труды. 1935. Изд. Акад. Наук СССР, стр. 277—285. Там же приведена литература об указанных памятниках.

в Самарканде, как это и можно увидеть в шедеврах художественного ремесла тимуровского времени — бронзовом котле и подсвечниках из мечети Ходжа Ахмед Ясеви в г. Туркестане.

За годы Великой Социалистической Революции среднеазиатские собрания выросли во много раз, сами памятники, а главное вопросы истории культуры и искусства, с ними связанные, стали предметом изучения не только научных работников Эрмитажа, но и специалистов всего нашего Союза. Более того, количество и разнообразие материала, а также уровень наших знаний дали возможность руководству Эрмитажа устроить постоянную выставку по истории культуры и искусства Средней Азии, открытую 1 января 1940 г.

LA COLLECTION DES OBJETS D'ART DE L'ASIE CENTRALE AU MUSÉE DE L'ERMITAGE

L'Ermitage possède des collections de l'Asie Centrale fort riches et très variées. La plupart d'entre elles ont été acquises par l'Ermitage depuis la Révolution d'Octobre. Les objets datent de différentes époques historiques à partir de la première moitié du premier millénaire avant notre ère jusqu'au XIX siècle de notre ère. Les matériaux qui datent de la période préislamique de l'Asie Centrale ont surtout une grande valeur scientifique et artistique. Parmi les objets de ce groupe il faut signaler une frise sculptée d'Ayrtam représentant des musiciens du commencement de notre ère, des têtes en terre cuite, des décors sculptés de Varakhcha, un bouclier de Sogd avec l'image d'un cavalier, trouvé dans le château du mont Moug et d'autres objets.

Les collections préislamiques nous donnent la possibilité de poser des problèmes d'une grande importance scientifique peu étudiés jusqu'à nos jours, comme par exemple l'art gréco-bactrien, l'art de Sogd à la veille de la conquête des Arabes et d'autres encore, ou des problèmes plus spéciaux, comme par exemple le déchiffrement des images sur les ossuaires de Bianayman. Une très grande importance scientifique ont les produits des différents métiers des X-XII siècles en Asie Centrale (la poterie couverte et non-couverte de l'époque des Samanides, des carreaux sculptés non-couverts de l'époque des Karakhanides, la

verrerie, des vases en argent et en bronze etc.) Et ce ne sont pas seulement les objets isolés (plusieurs d'entre eux ont été décrits et publiés) qui représentent une grande valeur. Ce sont aussi des groupes d'objets qui nous intéressent, car ils nous donnent la possibilité de juger de tel ou tel métier à une époque donnée.

On a réuni des collections précieuses qui permettent de reconstruire la vie citadine et les arts à l'époque de Timour (1370—1405) et des Timourides. Ce sont pour la plupart des carreaux couverts représentant des monuments d'architecture de Samarkand. Notre collection par sa diversité et sa plénitude n'a pas sa pareille dans aucun musée du monde. A cette époque appartiennent les chefs-d'oeuvre suivants: une porte en bois sculptée de Gour-Emir, un bassin en bronze et des chandeliers en bronze de la mosquée de Khodja-Ahmed Yasevi etc. Les collections de l'époque de Timour et des Timourides nous permettent de comprendre les particularités de l'évolution des arts plastiques en Asie Centrale à l'époque où Timour faisait venir dans sa capitale Samarkand par centaines les meilleurs artisans des contrées conquises de l'Iran, de Khorasm, du Caucase, de l'Asie Mineure.

A. Yakoubovsky

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ САМАРКАНДА

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ САМАРКАНДА ДО ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Завоевав Среднюю Азию, русский царизм не мог не сознавать слабого знания завоеванных территорий. Наиболее умные политики понимали ту неловкость, в которую могла попасть официальная Россия 70-х годов во время ответственных дипломатических переговоров, сознавали трудность управления страной, когда почти не было людей, знающих узбекский и таджикский языки, не говоря уже о том, что становилось ясным, что без знания хозяйства, быта, обычаев, действующего права нельзя наладить эксплуатации природных и хозяйственных ресурсов Туркестана. На этой почве вырастает подготовка ответственных чиновников, военных и гражданских, по преимуществу первых, которые могли бы с успехом работать в новых, совершенно непривычных условиях. Более того, даются определенные директивы, чтобы на местах царское чиновничество проявило самостоятельность, изучило бы узбекский и таджикский языки, знакомилось бы с типами земледельческих культур, с ремеслами, обычаями, бытом, собирало бы этнографический и археологический материалы. В известном смысле в среде чиновничества, даже на его верхах, становилось модным проявлять здесь активность. 70-е и отчасти 80-е годы были в этом отношении весьма характерны. В разных областях пишутся работы, статьи, путевые заметки, собираются материалы — этнографические и археологические, иногда составленные с знанием дела и, во всяком случае, с большим интересом. Объясняется это тем обстоятельством, что среди людей, отправившихся в Среднюю Азию, были не только „господа Ташкентцы“, не только карьеристы, но и немало специалистов, которые искали найти в новой обстановке точку приложения для своей культурной деятельности.

Как ценный памятник этой культурной работы, необходимо отметить так наз. Туркестанский альбом фотоснимков в нескольких томах, отражающих культурную и хозяйственную жизнь народов Средней Азии в 70-х годах прошлого столетия. Составлен этот альбом был незаурядным ориенталистом того времени, Куном. В мою задачу не входит, хотя бы в самых общих чертах, набросать картину работы, без которой трудно было бы управлять новой страной. Задача моя значительно уже — подчеркнуть, что в круговорот этой культурной деятельности попала и археология. Становилось модным собирать древности и даже добывать их путем раскопок, не говоря о той или иной фиксации сохранившихся памятников старины (мечети, медресе, мавзолеи, старые крепости и т. д.). Не случайно, что два первых „археолога“, начавших работу на Афрасиабе, вышли из среды русского военного чиновничества. Если расширить поле нашего зрения, выйти за пределы Самарканда и заглянуть в туркестанскую периодическую печать 70-х и 80-х годов, то сразу бросится одна характерная черта: сведения „археологического“ характера доставляются и военными и гражданскими чиновниками. Приведу только несколько примеров. В 1875 г. в „Русском Инвалиде“ в № 225 и в 1876 г. в „Туркестанских Ведомостях“ в № 8 появляются сведения, что генерал-майор Ломакин, проделав со своим рекогносцировочным отрядом маршрут из Красноводска к колодцам Бугдайлы, наткнулся на развалины интересного города Мешхед-и-Мисриян — сообщение несомненно важное; на ряду с этим, в том же 1876 г. в № 16 „Туркестанских Ведомостей“ можно найти заметку, что полковник Зацепин где-то на берегу Сыр-Дарьи в размытом водой месте нашел такие-то и такие-то археологические предметы. Примеров привести можно было бы много, но и этих двух достаточно, чтобы проиллюстрировать ту моду к археологическим „изысканиям“, которая в это время охватила высшие, по преимуществу, круги военного и гражданского чиновничества. Вернемся, однако, к Самарканду, к первым раскопкам его старого городища — Афрасиаба.

По приказанию начальника Самаркандского округа г.-м. Абрамова раскопки на нем были поручены в 1874 г. майору Борзенкову. Нечего и говорить, что последний ни в какой мере не был к ним подготовлен. Истории Самарканда он не знал, — да и кто ее знал в те годы, — в распоряжении у него не было письменных известий о том времени, когда Афрасиаб был местом древнего Самарканда, не владел Борзенков и элементарными сведениями в области техники и методики раскопочного дела, не говоря уже о том, что у него не было даже общего представления, как подходить к вещественным памятникам как одному из видов исторических источников. Вот что

пишет М. Ростиславов в „Туркестанских Ведомостях“ в 1875 г. об археологических работах Борзенкова: „Раскопки эти, хотя и производились не особенно тщательно и без всякого заранее обдуманного плана, двумя крест-на-крест прорытыми коридорами обнаружили следы несомненно существовавших когда-то на этом месте построек...“¹

Трудно сейчас точно установить место, где копал Борзенков, едва ли зафиксировано это им на каком-нибудь схематическом плане. Только из заметки М. Ростиславова следует, что Борзенков копал в северной части городища и за его пределами. Начав раскоп на правом берегу Сиаба, он перешел на его левый берег, т. е. уже на собственную территорию городища. Раскопки в смысле вещевого материала на таком насыщенном культурными пластами городище, как Афрасиаб, не могли быть, конечно, безрезультатными. Майор Борзенков наткнулся на остатки построек, на гончарные мастерские, не говоря о большом количестве керамики, стекла, монет и др. предметов.

Что могла дать такая раскопная работа? Какую пользу она могла принести? С точки зрения научного подхода можно говорить о погоне за вещами, которая ведет к порче такого примечательного памятника-гиганта, каким является Афрасиаб. Прошло 9 лет, чиновная аристократия Туркестана вновь обратила внимание на Афрасиаб. В 1883 г. по приказанию туркестанского генерал-губернатора г.-л. Черняева там вторично начали копать. На этот раз ответственным руководителем раскопок был подполковник В. В. Крестовский, чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. Известный автор хорошо написанных „Петербургских трущоб“, а потом чернотенного романа „Панургово стадо“, человек сначала штатский, а потом попавший в гвардию, заработав право войти в нее романом „Панургово стадо“ и написанием „Истории уланского ямбургского полка“, он быстро сделал большую карьеру, служа в разных местах тогдашней России. В 80-х годах В. В. Крестовский — авторитетный писатель из „Русского Вестника“ — был уже в чине подполковника чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе Черняеве и успел в короткий срок оставить по себе дурную славу разгромом прекрасно подобранной ташкентской библиотеки, из которой изъяс массу книг либерального направления. Мода к археологическим занятиям на короткий срок захватила и его. Мне до сих пор не удалось найти донесения-отчета В. В. Крестовского на имя туркестанского генерал-губернатора о выполнении порученных ему раскопок.

¹ „Туркестанские Ведомости“, 1876 г., № 27.

Наиболее подробные данные об этих раскопках мы имеем в статье самого В. В. Крестовского, помещенной в „С.-Петербургских Ведомостях“ за 1884 г., в №№ 32, 34, 35, 36, 37.¹ Сверх ожидания В. В. Крестовский отнесся с большим сознанием ответственности к порученному ему делу. Вот что он сам пишет по этому поводу: „Должен оговориться, что я никогда не занимался специально археологией... Инструкции и наставления, присланные в Ташкент графом Уваровым по просьбе М. Г. Черняева, к сожалению, не могли дать мне надлежащих указаний в данном случае, так как они имеют своим предметом исключительно отдельные могильные курганы, а здесь приходилось иметь дело с целой площадью в пять верст окружности, где на каждом шагу попадаются остатки жизни целого города, и притом измеряемой тысячелетиями. Приходилось работать и в то же время учиться приемам этой работы самому и учить им других — сартов-землекопов. Строго сознавая всю важную ответственность свою перед наукой и чувствуя, что недостатком опытности в технических приемах можно скорее напортить и непоправимо повредить, чем принести пользу делу, я должен был действовать с крайней осторожностью и как бы ошупью в потемках. Поэтому и не решился я начать раскопки непосредственно с самого интересного и многообещающего для науки пункта, каким являлся тут дворцовый холм Афрасиаба и местность, очерченная остатками стен древней цитадели, предоставляя эту честь в будущем людям действительно опытным, людям науки“.² Руководствуясь этими соображениями, В. В. Крестовский „счел за лучшее избрать какой-нибудь из наименее обещающих бугров и, так сказать, обречь его на жертву, для того чтобы сколько-нибудь выучиться на нем практике предстоящего дела, выработать себе на опыте известные приемы“.³ В качестве такой „жертвы“ В. В. Крестовский избрал „бугор на четвертой версте от Самаркандской ночтовой станции, на задах древней шах-я-зиндевской усыпальницы Тимуридов, прилегающей к самому шоссе, в расстоянии около ста сажен от часовни св. Хызра, что находится на гребне подъема на южную окраину Афрасиаба. Бугор этот, слишком двух сажен высоты над уровнем дороги, имел в плане своем продолговатую, неправильную эллипсоидальную форму, занимая протяжение до 21 сажени, при ширине от 5 до 8 сажен“. Раскопки проведены были в октябре месяце. Была заложена

¹ Краткие сведения о раскопках можно найти и в „Туркестанских Ведомостях“ за 1883 г., в № 42, однако, по сравнению с упомянутой статьей В. В. Крестовского в „С.-Петербургских Ведомостях“, они ничего почти не дают.

² „С.-Петербургские Ведомости“ 1884 г., № 34.

³ Там же.

„магистральная траншея“, которая доведена была постепенно до $12\frac{1}{2}$ аршин глубины. В. В. Крестовскому в известной мере повезло, — при всех недостатках, которыми сопровождалась его работы на Афрасиабе с точки зрения методики раскопочных приемов, они имели уже то огромное значение, что дали одну из самых лучших коллекций памятников материальной культуры, когда-либо собранных на Афрасиабе. 564 предмета из этой коллекции, по словам В. В. Крестовского, были „сняты фотографически, в группах, из которых составилась альбом в сорок снимков. Один из экземпляров этого альбома будет препровожден в императорскую Археологическую комиссию при министерстве двора, другой — в Археологическое общество. Все найденные нами предметы переданы в Ташкентский музей, открывшийся 27 декабря 1883 г. в преобразованном виде“...¹

Сверх ожидания черностенный автор из „Русского Вестника“ оказался более прогрессивным в своих взглядах на культуру Востока и в частности Средней Азии, чем более компетентные в истории последней Л. Костенко и Н. И. Веселовский. Говоря о памятниках архитектуры в Самарканде, В. В. Крестовский пишет: „В общем все это являет чрезвычайно своеобразную, полную красоты и не лишённую некоторого величия картину, на которую достаточно только взглянуть, чтобы никогда уже потом не относиться свысока, с самоуверенной легкостью „цивилизованного“ европейца к изящному вкусу и художественному гению средне-азиатских „варваров“.“²

Раскопки майора Борзенкова и подполковника Крестовского образуют первый этап „археологического“ и вместе с тем еще донучного изучения прошлого Самарканда. Об археологических работах в Самарканде стало известно в Петербурге. На Афрасиаб, наконец, обратила внимание имп. Археологическая комиссия, которая и решила взять в свои руки систематическое изучение богатого прошлым городища. С 1885 г. наступает новый период в истории археологического изучения Самарканда. На этот раз в Туркестане и в частности на Афрасиабе появляется фигура квалифицированного ученого востоковеда, историка и археолога — Н. И. Веселовского. Научное учреждение придворного типа, Археологическая комиссия в лице своих руководителей на археологию смотрела как на средство, с помощью которого можно было охранять устои существующего порядка. В работах Археологической комиссии часто встречается „любовь к старине“, однако любовь эта не бескорыстная, у нее вполне ясные и четкие задачи. „Любовь к старине“ — противоядие излишнему новаторству, излишне рефор-

¹ „С.-Петербургские Ведомости“, 1884 г., № 37.

² В. В. Крестовский. В гостях у эмира Бухарского. „Русский Вестник“, 1882 г., № 2, стр. 511.

мистским увлечениям, не говоря уже о революционном мировоззрении. Этот момент в работе Археологической комиссии необходимо учесть, чтобы понять отсталость русской археологической науки, которая так характерна для того времени. Вещи описывались как культурные ценности, долженствующие вызвать пиетет к прошлому, и только. Редко, кто смотрел иначе и видел в памятниках материальной культуры один из источников для познания общественной среды, их породившей. Н. И. Веселовский, вступивший в состав Археологической комиссии в 1881 г., несмотря на несомненные способности, о которых еще придется говорить, был типичным выразителем и активным проводником ее установок. В 1884 г., когда он впервые поехал в Туркестан, он был уже вполне сложившимся научным работником. В среде русских археологов с именем Н. И. Веселовского принято связывать главным образом работы на юге России. Многие представляют его себе, по преимуществу, археологом доклассового или раннеклассового общества. Это глубокое заблуждение. Н. И. Веселовский по основной своей специальности — востоковед, к тому же историк. Правда, он значительно уступал как востоковед и как историк и своим предшественникам (В. В. Григорьев, П. И. Лерх) и своему младшему современнику, В. В. Бартольд. Что он уступал последнему, это понятно, поскольку В. В. Бартольд уже с выходом своего „Туркестана“ стяжал себе авторитет крупнейшего и общепризнанного ученого. Однако как историк и востоковед (в смысле владения письменными источниками) Н. И. Веселовский был шагом назад по отношению к В. В. Григорьеву, своему учителю. Кто из учившихся на Восточном факультете на грани XIX и XX века не знает его литографированного курса по истории Востока. Захваченный в нем круг вопросов, самые принципы построения, методы исторического мышления его автора — отстают от передовой историографии его времени. Все это как раз на уровне той Археологической комиссии, самым деятельным членом которой он был как в смысле методов ее работы, так и охранительно-реакционных ее тенденций. Отправляясь на археологическую работу в Среднюю Азию, он хотя и считался в те годы (1884 г.) наиболее крупным авторитетом в ее истории, однако фактически к раскопкам на Афрасиабе подготовлен не был. Н. И. Веселовский как археолог еще не выступал и, следовательно, в раскопчном деле он опыта не имел никакого. Кроме того, не был он подготовлен и как историк-востоковед. Из напечатанного им отчета о произведенных на Афрасиабе раскопках ясно, что им не была проделана предварительная работа по сбору письменных известий о Самарканде того времени, к которому могло относиться городище Афрасиаб. При таких условиях заранее можно было

бы сказать, что особых научных результатов его поездка не даст. Если положительные результаты все же были, то отнести их нужно за счет его несомненных способностей в области догадок и интуитивного мышления.

Отчет о раскопках 1885 г. на Афрасиабе, представленный им в Археологическую комиссию и напечатанный в Записках имп. Русского археологического общества за 1887 г. (том II, новая серия), с полной отчетливостью говорит, что ехал он на раскопки, не будучи подготовленным. Не проделав, как выше было указано, предварительной работы по сбору и обработке богатых письменных известий о Самарканде (хотя кое-что из них ему и было известно), он, конечно, не мог поставить перед собой никаких частных проблем, связанных с конкретной жизнью Самарканда. В этом отношении его поездка сильно отличается в невыгодную для него сторону от археологической поездки П. Лерха в Туркестанский край в 1867 г. Кто знаком с отчетом последнего, хорошо знает, как много труда потратил он на изучение письменных известий по тем районам, где он работал. В своем отчете Н. И. Веселовский писал: „Я не буду останавливаться на подробном перечислении добытых предметов, не буду упоминать, где и как они найдены (об этом подробно будет изложено в другом месте), но обращаю Ваше внимание...“¹ К сожалению, „этого другого места“ так и не оказалось, и мы в полной неизвестности, как производились самые раскопки, а главное из каких мест и из каких слоев Афрасиаба происходят те или другие предметы. Раскопки на Афрасиабе им велись, во всяком случае, в большом масштабе. „Я начал, — пишет он, — работы на запад от крепости и прошел по всему Афрасиабу к могиле Данияра. Кроме того, производил раскопки в цитадели и у базара плетенками (буйро-базар)“.² Шел он траншеей в 1 $\frac{1}{2}$ —2 сажени.³

И все-таки, несмотря на все перечисленные недостатки, раскопки дали определенные результаты, которые могут считаться определенным вкладом в науку. Н. И. Веселовскому нельзя отказать ни в наблюдательности, ни в столь характерном для него археологическом чутье. Кто знаком с историей археологического изучения Самарканда, не может не согласиться, что, проработав всего несколько месяцев на Афрасиабе, он установил ряд положений, которые не только впоследствии оправдались, но и послужили вехами, по которым шла исследовательская мысль по некоторым вопросам. Так, изучая городище, Н. И. Веселовский отметил, что у него, кроме наруж-

¹ ЗИРАО, т. II, новая серия, 1887 г., стр. С II,

² Там же, стр. ХСІХ.

³ Там же.

ной стены, есть внутренние, сейчас их установлено три, он отметил только две,¹ хотя он не сделал из этого факта важного исторического вывода, согласно которому стены эти являются вехами роста города. Отметил он и наличие на Афрасиабе больших общественных бассейнов² (хаузов), что долгое время оспаривалось В. Л. Вяткиным, однако впоследствии он согласился с правотой Н. И. Веселовского. Рассматривая афрасиабскую керамику, он охарактеризовал некоторые ее особенности и подчеркнул, что здесь работали когда-то искусные мастера.³ Наблюдая во время раскопок характер афрасиабских построек, он отметил почти всюду наличие глиняных стен, в то время как полы были из жженого кирпича. Более всего его интересовали предметы домусульманского прошлого, и здесь особенно проявилась острота его глаза. Небольшие ящики из обожженной глины, орнаментированные по наружной поверхности, с наклепанными головками людей, он определил как гробы для костей⁴ (оссуарии), благодаря догадке по аналогии с саркофагами в курганах южной России. Уже тогда он выделил среди огромного количества глиняных головок три типа: 1) греческий, 2) сасанидский, 3) близкий к монгольскому. Своими раскопками и отчетом Н. И. Веселовский свдвинул вопрос об изучении древнего Самарканда с мертвой точки. С него, а не с Борзенкова и Крестовского, нужно считать начало изучения Афрасиаба. В том же 1885 г. обратил Н. И. Веселовский внимание и на богатство архитектурных памятников Тимуровского Самарканда, особенно на Шах-и-Зинде и Гур-Эмир. Однако прошло еще 10 лет, прежде чем Самарканд стал объектом постоянного научного внимания. Начало систематических работ по изучению памятников Самарканда нужно считать с 1895 г., когда по постановлению Археологической комиссии (от 29/VI 1895 г.) туда было командировано несколько специалистов (архитекторы — П. П. Покрышкин, А. В. Щусев и художник С. М. Дудин) для археологического исследования под общим руководством Н. И. Веселовского.

Небезынтересным будет несколько остановиться на той обстановке, при которой возникло самое постановление Археологической комиссии о посылке экспедиции в 1895 г. Выше уже говорилось о той моде, которая охватила военное и гражданское чиновничество так наз. Туркестанского края в 80-х годах прошлого столетия, когда ряд культурных сил занимался изучением прошлого и настоящего страны. К 90-м годам

¹ Там же, стр. XCIV.

² Там же, стр. XCIV.

³ Там же, стр. С.

⁴ Настоящее их название — „астоданы“. — А. Я.

от моды этой остались лишь незначительные следы. Научного внимания примечательным памятникам не оказывалось совсем. Они стояли, брошенные на произвол судьбы. Мало того, около них возились разного рода дельцы, которые открыто на глазах всех растаскивали чудесные изразцы и продавали всем, кто платил им нужные деньги. И хорошо еще, если части декоративного убранства шли в центральные музеи или в руки знающих людей, а сколько их ушло за границу! Но в конечном итоге дело не в этом, а в том, что за каких-нибудь 3 десятка лет со времени завоевания Средней Азии русским царизмом ряд архитектурных памятников пришел в состояние такого разрушения, которое им не смогли бы нанести даже военные столкновения, бывшие между местными владельцами до прихода русских. В этом отношении продавцы древностей, удовлетворяя запросы покупателей — любителей старины, — оказались большими вандалами, чем самые грубые завоеватели. Архив Археологической комиссии, хранящийся в ГАИМК, дает возможность заглянуть, какое впечатление произвел Самарканд на шведского археолога Мартина, который в 1894 г. посетил знаменитый город. Письмо Мартина от 28/1 1895 г. к тогдашнему министру финансов С. Ю. Витте полно тревоги за судьбу гениальных творений восточного зодчества. Во имя интересов науки он почти умолял С. Ю. Витте оказать содействие в деле охраны и научного описания памятников. В известном смысле письмо это звучало конфузом для царской власти и почти скандалом для Археологической комиссии. Надо было как-то выйти из конфузного состояния перед западноевропейской наукой. С. Ю. Витте, который сам в 1890 г. был в Самарканде и видел, в каком беспризорном положении находятся его памятники, решил предпринять ряд шагов. Началась переписка между министром финансов и президентом Академии наук. Добыты были средства, по тогдашним масштабам большие — 10.000 руб. Дело изучения и охраны самаркандских памятников было поручено Археологической комиссии, к работам которой по этой линии приглашены были видные тогда востоковеды — академики В. Р. Розен, В. Н. Васильев, К. Г. Залеман и проф. В. А. Жуковский.

В результате всего этого и решено было отправить вышеуказанную экспедицию в 1895 г. в Самарканд. Спустя 11 лет, отмечая небольшой заметкой¹ выход в свет в 1905 г. 1-го выпуска великолепного издания „Самаркандские мечети“, посвященного Гур-Эмиру, Н. И. Веселовский вспомнил те задачи, которые ставила тогда Археологическая комиссия. „Всесторонне

¹ ЗВО, XVII, 0.181 и сл.

обсудив затронутый вопрос, — писал он, — Археологическая комиссия пришла к заключению, что поддержание всех монументальных памятников Туркестанского края вообще и древних самаркандских мечетей в особенности возможно лишь при тщательной их реставрации, и что потребовало бы таких громадных материальных средств, на получение которых рассчитывать не было никакой надежды. К тому же некоторые здания пришли в такое состояние разрушения, что легче их разобрать и выстроить вновь, чем ремонтировать на уцелевших остатках. К числу таких памятников принадлежит самое величественное сооружение Тамерлана — соборная мечеть его столицы, известная в народе под именем мечети Биби-Ханым. Более целесообразным и менее дорогим средством к сохранению памяти об этих зданиях в потомстве было бы, по мнению комиссии, научное описание их с приложением точных архитектурных чертежей и рисунков в красках, т. е. мера, принятая в Западной Европе по отношению к тем монументальным памятникам, спасти которые от неизбежного разрушения не представлялось возможным“.

Нужно признать, что путь, на который встала Археологическая комиссия, в данном случае был единственно правильный. Вопрос о полной реставрации архитектурных памятников археологической наукой отвергнут совершенно, крупный ремонт, связанный с некоторыми элементами реставрации, был еще не по силам только начинающим изучать восточные памятники архитекторам, да и недоступным по недостатку средств; оставалась археологическая регистрация, научное описание. Как известно, все внимание первоначально сосредоточено было на мавзолее Гур-Эмир. Здесь работали, тогда еще молодые, П. П. Покрышкин, А. В. Щусев и С. М. Дудин.

В результате этой работы, через 10 лет после ее начала, в 1905 г., появился вышеупомянутый 1-й выпуск „Самаркандские мечети“, посвященный мавзолю Гур-Эмир. Нужно признать, Археологической комиссии на этот раз повезло, в лице отправленных в Самарканд в 1895 г. молодых специалистов они приобрели талантливых исследователей, сделавших для дела археологического изучения его архитектурных памятников немало.

К сожалению, и на этот раз, как и 10 лет назад, когда Н. И. Веселовский копал Афрасиаб, руководитель работ не оказался на высоте как историк. За 10 лет, которые протекли со дня начала работ вышеупомянутой экспедиции до 1905 г., когда выпущен был „Гур-Эмир“, Н. И. Веселовский, написавший к нему историческое введение, не ознакомился с письменными источниками, которые помогли бы разобраться в самой постройке, не поставил той проблематики, которая

даже в научных условиях того времени сама собой напрашивалась. Основная ошибка Н. И. Веселовского заключалась в том, что он первоначальное назначение Гур-Эмира видел в мечети. По его словам, „назначение ее было, как и всякой мечети, служить местом для общественного моления. Обращать ее в усыпальницу, как можно думать, не входило в намерения Тимура: он строил именно мечеть и при ней воздвиг два минарета“.¹ В том же 1905 г. местный работник В. Л. Вяткин в рецензии² на изданный альбом убедительно вскрыл ошибочность этого взгляда, показав, что письменные свидетельства современников не дают никаких оснований считать это здание с момента постройки не чем иным, как мавзолеем.

Да и принять факт существования минаретов при здании как признаки мечети — нельзя было, ибо хорошо известно, что минареты ставились и при медресе, а также других постройках. И все же, несмотря на ошибки, курс, взятый Археологической комиссией под руководством Н. И. Веселовского по отношению к самаркандским памятникам, на том этапе надо признать правильным. Насколько важно было научное описание Гур-Эмира, зафиксированное в чертежах, рисунках и фото, видно хотя бы из следующих обстоятельств. Не успел „Гур-Эмир“ выйти из печати, как 18 мая 1903 г. в 7 ч. утра обрушился до основания минарет этого прекрасного здания.³ Ровно через два года, в 1905 г., грабителями выломана была знаменитая плита над входом в мавзолей с надписью, в которой указывалось, что здесь находится могила Тимура Гургана. Грабители знали, что делали. В 1906 г. плита уже продавалась в Константинополе, где ее купили для Фридрих-музеум в Берлине за 10.000 фр.⁴ Нужна была дипломатическая переписка и 6000 марок, чтобы вернуть ее в Россию.

Еще через 2 года, 8 октября 1907 г., в Самарканде произошло сильное землетрясение (8 баллов по шкале Росси-Фарели), в результате которого Гур-Эмиру были нанесены существенные повреждения (многочисленные трещины). Уже перечисленного вполне достаточно, чтобы стало ясно, какое огромное значение имеют для науки упомянутые альбом и прекрасные негативы С. М. Дудина размером 24 × 30.⁵ Указанные работы в настоящее время вместе с самим памятником становятся важными историческими документами, без которых

¹ Самаркандские мечети, вып. I, Гур-Эмир, стр. V и сл.

² Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, стр. 291 и сл.

³ Архив Археологической комиссии, бум. № 12932 от 11/X 1904 г.

⁴ Там же, бум. № 399 от 24/III 1908 г., № 2547 и другие от того же года.

⁵ Хранятся в ГАИМК, Фототд., колл. Н. И. Веселовского, коробки №№ 8, 17, 19.

серьезное изучение невозможно. Наряду с Гур-Эмиром было отдано внимание и соборной мечети Тимура, известной под именем Биби-Ханым. Из материалов архива Археологической комиссии, относящихся к Самарканду, видно, что работы по археологическому обмеру и зарисовкам, а также фотографированию начаты были в том же 1895 г. К сожалению, интенсивная работа по изучению Гур-Эмира не позволила вышеупомянутым архитекторам и художникам отдать в то время достаточного внимания соборной мечети. Говорю „к сожалению“, ибо землетрясение 5 сентября 1897 г. произвело такие разрушения, которые сильно изменили и деформировали эту великолепную постройку. Особенно тяжело пострадал главный вход. Вызванные землетрясением разрушения произвели на население Самарканда столь сильное впечатление, что даже самаркандский губернатор должен был написать в Археологическую комиссию следующее: „Купол, наполовину провалившийся, грозит окончательным падением при первом толчке или при начале производства работ: все пространство внутри мечети усыпано постоянно падающими камнями, кирпичи в куполе настолько слабо держатся, что иногда даже сидящие на них птицы их сбрасывают. Барабан имеет широкие вертикальные трещины, идущие через всю стену мечети и образовавшиеся от неравномерной осадки фундамента. Вследствие тех же трещин, произошел разрыв и в самом куполе. Облицовка фронтона отделяется пластом и грозит падением при малейшей попытке поддержать или притянуть ее к корпусу“.¹ Указанные разрушения оказались серьезным предостережением, и работы по археологическому изучению соборной мечети Тимура были ускорены. Так, по крайней мере, можно думать, читая письмо А. А. Бобринского (председатель Археологической комиссии) к Витте,² в котором, между прочим, говорится, что „сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготавливающиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым и эта работа к весне текущего года (1899) будет окончена“.³ И действительно, с января 1900 г. в Археологическую комиссию начинают поступать чертежи Биби-Ханым, сделанные П. П. Покрышкиным и Н. Н. Щербина-Кремаренко.⁴ Судя по сохранившейся

¹ Архив Археологической комиссии, бум. № 1679 от 4/II 1893 г.

² Там же, бум. № 116 от 25/I 1899 г.

³ Там же, бум. № 116 от 26/I 1899 г.

⁴ Н. Н. Щербина-Кремаренко, работавший в Самарканде по поручению Академии Художеств в 1895 г., при изучении мечети Биби-Ханым прибег к раскопкам. Последние вполне подтверждают правильность описания мечети у современников.

Работы Щербина-Кремаренко — единственный случай применения раскопок при изучении сохранившихся построек за время существования Археологической комиссии. Справ. книга Самаркандской области, вып. IV, отд. IV, 59.

переписке, Археологическая комиссия готовила к печати 2-й выпуск „Самаркандские мечети“, посвященный Биби-Ханым. Во всяком случае, Археологическая комиссия 28/X 1903 г. извещает Экспедицию Заготовления Государственных Бумаг о том, что „имеет честь препроводить в Экспедицию для второго выпуска, предназначенного для Биби-Ханым, два рисунка этой последней мечети с тем, что изготовлением их Экспедиция займется по мере возможности“.¹ К глубокому сожалению, 2-й выпуск так и не увидел света за отсутствием нужных средств. Более того, до настоящего времени не найдены все чертежи и рисунки, выполненные упомянутыми архитекторами. А между тем, эта мечеть продолжает непрестанно разрушаться, каждое последующее землетрясение отрывает от ее старого тела все новые куски. Чтобы убедиться, что это так, следует прочесть хотя бы донесение в Археологическую комиссию В. Л. Вяткина от 22/XI 1907 г.,² согласно которому незадолго до того землетрясение нанесло мечети очень серьезные повреждения. К счастью, сохранилось большое количество фотографических снимков с мечети Биби-Ханым, большая часть которых размером 24 × 30 выполнена Н. П. Петровским. Прекрасно исполненные, заключающие в себе много деталей, они относятся к 1895 г., т. е. ко времени до землетрясения 1897 г., и поэтому представляют собой особенную ценность.³ Исследователь найдет на них много такого, что уже самой постройкой утрачено навсегда. Нет уверенности, удастся ли когда-нибудь довести до конца работу по полному археологическому описанию Биби-Ханым, ибо всегда можно ждать катастрофы с ней, хотя нужно признать, что она гордо миновала все назначенные ей сроки. В третью очередь было поставлено изучение и описание группы замечательных памятников, известных под общим именем Шах-и-Зинде и относящихся, преимущественно, ко второй половине и к концу XIV века. Из писем А. А. Бобринского на имя Витте⁴ видно, что в 1897 г. предполагалось начать работы по Шах-и-Зинде, для чего испрашивалось 3000 руб., каковые и были ассигнованы. С 1899 г. в Археологическую комиссию начинают поступать планы, чертежи, рисунки и фотографические снимки с мавзолеев Шах-и-Зинде, причем в работах по изучению и описанию принимают участие архитекторы и художники — Б. Басин, Фридолин, И. Джаниев, С. М. Дудин и др. Однако этим работам не суждено было развернуться; как-то постепенно, само собой, за отсут-

¹ Архив Археологической комиссии, бум. № 2079 от 28/X 1903 г.

² Там же, бум. № 19714 от 21/XI 1907 г.

³ Хранятся в ГАИМК, Фотоотдел, колл. Н. И. Веселовского, корб. №№ 1—8.

⁴ Там же, бум. № 864 от 26/V 1897 г.

ствием средств, а в известном смысле и воли со стороны Археологической комиссии в лице ее ответственного представителя Н. И. Веселовского, они замерли. Судя по оставшимся от него бумагам, попавшим в ГАИМК, он интересовался эпиграфическим материалом, повидимому, готовил издание всех надписей, находящихся на самаркандских архитектурных памятниках и в первую очередь Гур-Эмира. Не рассчитывая сам справиться с огромной работой, он к чтению и переводу привлек проф. В. А. Жуковского и других специалистов. К сожалению, работы, сделанные последними, повидимому, утеряны, ибо в сохранившихся бумагах Археологической комиссии уцелел листок, датированный 2/IV 1898 г., с персидским стихом на входной арке Гур-Эмира, в переводе В. А. Жуковского, да небольшие тетрадки с переводами надписей с купола мечети Биби-Ханым, сделанными А. Э. Шмидтом. Подведем итоги тому, что сделала Археологическая комиссия в области археологического изучения Самарканда к началу XX столетия, ибо в первые же годы последнего Самарканд берется под научную опеку другого научного учреждения, а именно: „Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии“. Раскопки на Афрасиабе, начатые в 1885 г., больше Н. И. Веселовским не продолжались. Произошло это не потому, что Археологическая комиссия не нашла бы для них нужных средств. Причина лежит в самом Н. И. Веселовском. Он не мог не понимать, что продолжать раскопки в том же бесплановом порядке, в каком он их производил, нельзя было, тем более, что отсутствие на Афрасиабе предметов из золота и серебра лишало его импульса к работе. Думаю, что в этом отношении будет небезынтересным остановиться на одном характерном для Н. И. Веселовского месте из его отчета. „Если жители, — пишет он, — ушли из Афрасиаба сами, то они, конечно, унесли с собою все, что им было необходимо в домашнем быту. Если их разорил неприятель, то надо отдать ему справедливость: он дочиста обобрал побежденных. К такому предположению привело меня отсутствие вещей ценных в материальном отношении. Первое ли предположение верно или второе — результат для археологии будет один и тот же. Только случайно забытое или случайно оставленное может порадовать исследователя. Что все ценное было забрано раньше, в этом мне приходилось убеждаться на каждом шагу“.¹ Кто знает археологическую деятельность Н. И. Веселовского, сразу увидит здесь признаки того, что так впоследствии развернулось в нем — поиски художественных изделий из драгоценных металлов. Отсутствие их на Афрасиабе сделало последний для

¹ ЗИРАО, том II, новая серия, 1887 г., стр. XCVII.

него мало привлекательным объектом. Находясь еще на низком уровне понимания задач археологической науки, когда привлекали, по преимуществу, высокохудожественные вещи из золота и серебра, у него не было большого интереса к Афрасиабу, как богатейшему источнику для изучения феодального ремесленно-торгового города, каким был Самарканд. Как историк Н. И. Веселовский и не дошел даже до этой проблемы, не говоря уже о том, что и по уровню своих фактических знаний он еще не был подготовлен к раскопчным работам в этом плане.

Вот почему не приходится жалеть, что раскопчные работы 1885 г. не продолжались им вовсе, тем более, что едва ли он проявил бы в них ту археологическую раскопчную технику и методику, без которых происходит порча памятника и которыми он никогда не отличался. Иную оценку заслуживает деятельность Археологической комиссии по линии археологического описания памятников. Вышеотмеченные работы 90-х годов, правда так и не доведенные до конца, фактически (в смысле издания) выполнены только по отношению к одному Гур-Эмиру, да и то не сполна, положили все же хорошее начало важнейшей задаче — сохранению памятников для науки путем монографического исследования каждого из них. Понимала Археологическая комиссия и всю важность дела охранения памятников как от разрушающих стихийных сил, так и от злой воли выламывателей. Но для этого нужны были средства. По инициативе Н. И. Веселовского начата переписка с военным министерством, на котором лежали функции административного управления так наз. Туркестанским краем, об ассигновании определенных сумм как на ремонт, так и охрану самаркандских памятников. Первым реальным достижением было утверждение должности смотрителя памятников старины, на которую и был назначен с 8/II 1903 г. наиболее авторитетный местный работник В. Л. Вяткин. Однако с деньгами на ремонт дело шло туго, военное министерство и местная военная администрация были скупы, и нужно было сильное землетрясение 1907 г., чтобы вопрос был сдвинут с мертвой точки. С этих пор в распоряжение специальной „комиссии для исправления древних памятников города“, работающей под председательством В. Л. Вяткина, попадают некоторые суммы (в конце 1907 г. — 2689 р.). — Археологическая комиссия и ее представитель проф. Н. И. Веселовский — конечно, научный этап в жизни археологического изучения Самарканда; однако замкнутый в кругу чистого вещеведения, чуждый серьезной исторической проблематики, Н. И. Веселовский не мог дать ничего большего, чем неоконченное издание „Самаркандских мечетей“.

Начало XX в. в жизни русского востоковедения сопровождалось большим оживлением, особенно в области исторических работ. В самом начале XX в., в 1900 г., появляется, наконец, капитальная работа по истории Средней Азии по узким, правда, названием „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ В. В. Бартольда, вслед за этим ежегодно появляются его исследования, посвященные тому или иному вопросу из прошлой жизни Средней Азии. Выступивший как историк-востоковед еще в 90-х годах прошлого столетия, В. В. Бартольд принадлежал к новому, сравнительно с Н. И. Веселовским, поколению и был одним из самых выдающихся ученых своего времени. Сделав огромный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в количестве фактических знаний, в технике формальной критики источников, в анализе исследуемого материала, он поставил ряд крупнейших проблем и, в соответствии своему историческому мировоззрению, дал попытку изобразить ход исторического развития феодальной Средней Азии, чего не сделал ни один из его предшественников. В этом смысле Средняя Азия до В. В. Бартольда не имела своего историка. Один из лучших знатоков (в мировом масштабе) источников, в том числе огромного рукописного материала (на арабском, персидском, турецком языках), он снабдил свои многочисленные работы таким количеством фактического, в большинстве своем нового, материала, который еще долго будет служить основным фондом сведений о прошлом Средней Азии. Будучи еще историком-идеалистом, В. В. Бартольд, однако, порвал с наиболее отсталыми взглядами своих предшественников и многих своих современников и прежде всего с расовой теорией. Известно, что В. В. Бартольд, не будучи археологом, умел ценить памятники материальной культуры как исторический источник. Задачи археологии как науки он понимал для своего времени, особенно в России, много глубже, чем профессионалы-археологи. В этом отношении он далеко ушел от Н. И. Веселовского. В некрологе, посвященном последнему, он полемизирует с Н. И. Веселовским и делает попытку определить место археологии в системе исторического знания. Если для Н. И. Веселовского археология — самостоятельная наука, которую можно ставить рядом с историей, то для В. В. Бартольда — это категорически неприемлемо. „Едва ли правильно, — пишет он, — такое сопоставление истории и археологии как двух самостоятельных, хотя и связанных между собой наук. Археология, как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть

выполнена задача историка, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда“.¹

В полном соответствии с этими взглядами и работал В. В. Бартольд. Нечего и говорить, человек, так думавший, не мог в своих работах пройти мимо того, что археологический материал дает для изучения прошлого Средней Азии. Более того, работая над письменными источниками, техникой изучения которых он владел в совершенстве, он никогда не пропускал ни одного даже самого мелкого сведения, которое помогло бы разобраться в том или ином памятнике материальной культуры. В этом отношении для лиц, занимающихся археологическим изучением, работы В. В. Бартольда являются источником всяких полезных сведений. Вышеупомянутый „Туркестан“ и „К истории орошения Туркестана“ являются настольными книгами каждого археолога Средней Азии. 118 страниц большого формата в своем „Туркестане“ В. В. Бартольд посвятил историко-географическому обзору тех областей Средней Азии, на территории которых происходили описываемые им события. К исторической географии он питал большую склонность, страницы, посвященные ей, ему особенно удавались. Здесь, в чрезвычайно сжатых, насыщенных богатым фактическим материалом выражениях, он рисует размеры и характер той или иной культурной земледельческой области в зависимости от искусственного орошения, описывает те полевые и садовые культуры, которые здесь произрастали, останавливает внимание на городах, тщательно сверяя сведения о их размерах, о характере торговой и ремесленно-промышленной их жизни, следит за топографической их эволюцией, собирает сведения о бывших в них постройках, вычерчивает (правда, словесно, а не графически) карту торговых путей и т. д. Историк такого характера и такого размаха, каким был В. В. Бартольд, не мог не оказать влияния на направление археологического изучения Средней Азии и в частности Самарканда. Историография Средней Азии в лице и под руководством В. В. Бартольда в первом же десятилетии XX в. выступает на уровне лучших образцов европейской востоковедческой науки.

Выше уже говорилось, что деятельность Археологической комиссии в Самарканде фактически кончается в начале XX столетия. Ее заместителем является более авторитетная научная организация — „Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях“. Самый факт образо-

¹ ЗВО, XXV, 352.

вания в России вышеуказанной научной организации ориенталистов заслуживает большого к себе внимания.

Уже само название „Русский комитет“ указывает на то, что эта научная организация была частью более широкого целого, а именно: „Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии“, возникшего еще по постановлению XII конгресса ориенталистов в Риме в 1899 г. и утвержденного XIII конгрессом ориенталистов в Гамбурге в 1902 г. Русская ориенталистика могла праздновать свой большой успех. Ее представители не только занимали равное место в среде крупнейших буржуазных ученых-востоковедов Европы и Америки, но и получили некоторый приоритет, выразившийся в том, что Русскому комитету предоставлены функции и права Центрального комитета указанного Международного союза.¹

Русский комитет по уровню своих фактических знаний, по своей проблематике, по технике своей работы был значительным шагом вперед по сравнению с Археологической комиссией, которая и должна была уступить ему руководство археологическими работами в Средней Азии и в частности в Самарканде. Деятельным участником и фактическим направителем этих работ и был В. В. Бартольд, тогда уже завоевавший себе авторитетное место в среде европейского буржуазного востоковедения. Итак, с появлением Русского комитета и исследований В. В. Бартольда наступает поворотный пункт в работах по изучению Самарканда и его памятников. Прежде всего изменяется сама проблематика. Собранный в „Туркестане“ В. В. Бартольдом огромный, тщательно проверенный критикой письменных источников фактический материал давал полную возможность заняться топографией старого домонгольского Самарканда. Это та работа, которую по состоянию своих знаний не мог выполнить Н. И. Веселовский, да едва ли она казалась ему особенно важной. Вместе с тем, В. В. Бартольд прекрасно понимал, что размеры домонгольского города точно археологическим путем могут быть определены только в том случае, если подвергнутся исследованиям и ближайшие окрестности Афрасиаба, т. е. и территория послемонгольского Самарканда. Понимал он также и важность предварительной топографической съемки всего района Самарканда (город и окрестности). Вот почему уже на ближайшем заседании Русского комитета 26/IV 1903 г. В. В. Бартольдом внесены были следующие предложения:² 1) составить точную топографическую съемку и нивелировку всех остатков стен и горо-

¹ Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 1, стр. 10.

² Протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней Азии. II, стр. 6—8.

дищ, окружающих Самарканд, кроме Афрасиаба, для которого эта работа уже произведена; 2) снять точный план Самарканда с нанесением на этот план всех мечетей; 3) нанести на карту все памятники древности в окрестностях этого города. Руководство этими работами на месте было поручено В. Л. Вяткину. Несколько слов о последнем. Получив только среднее образование (окончил учительскую семинарию в Ташкенте), тогда еще незаметный чиновник Самаркандского областного управления, он очень хорошо изучил узбекский и таджикский языки и с головой ушел в краеведческую работу, увлекаясь собиранием древних рукописей и изучением памятников материальной культуры. К моменту вышеуказанных, намеченных Русским комитетом, работ он уже выпустил ценную по богатству собранных фактов книгу „Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета (Справ. кн. Самаркандской области 1902 г., с особой пагинацией). Нечего и говорить, что выбор для исполнения указанных работ был сделан удачно. Итак, в круг археологического изучения вводится весь город Самарканд, как городище Афрасиаб, так и старый город. Обладать точными съемками и планами для указанной работы становилось абсолютной необходимостью. Через некоторое время, в 1904 г., самаркандские работники и Русский комитет уже обладали 105 листами полуверстных съемок Самаркандской области, присланных из военно-топографического отдела. Впоследствии Комитетом были получены и 8 листов фотографических копий со съемки древней стены города (Дивари-Кыямат), исполненной еще в 1903 г. по поручению Комитета.¹ Работы эти были произведены под непосредственным руководством В. Л. Вяткина. Произведенное обследование в связи с изучением письменных известий привело к заключению, что Дивари-Кыямат — огромная стена, местами исчезнувшая, глинобитная, „до четырех сажен высоты и толщины в основании“² — есть несомненно остаток той стены, которая окружала Самарканд с его пригородами и описана у Ибн-ал-Факиха (12 фарсахов) и у ал-Истахри (каждая сторона — 2 фарсаха).

В следующем, 1904 г., в Самарканде на Афрасиабе производится В. В. Бартольдом серьезная археологическая работа с раскопками. Исходя из анализа сведений арабских географов X в., он приходит к заключению, что „осмотр Афрасиаба вполне подтвердил, что городище могло снабжаться водой только с южной стороны и только посредством водопровода“.³

¹ Все перечисленные съемки были переданы на хранение в Азиатский музей.

² Справ. книга Самаркандской области, вып. VIII, стр. 278.

³ Известия Русского комитета, № 4, 1904, стр. 22. Н. П. Петровский произвел нивелировку местности, которая дала возможность сказать, что

Учитывая известия тех же географов и особенности местности у цитадели, он считал, что соборную мечеть нужно искать на запад от нее. Здесь он и начал раскоп. Найдены были кирпичи с синими и белыми глазурями, куски здания с орнаментом, но фундаменты мечети найдены не были. Под конец работ была обнаружена постройка из обожженных кирпичных плит огромного размера ($45\frac{1}{2} \times 37\frac{1}{2} \times 7$ см). На кирпичах были печати с куфическим письмом: „Ихшид“, „Мусеяб“, „Иштихан“.

По определению исследователя все это должно было относиться ко времени не позже X в. Раскоп ставил вопрос о назначении постройки: одно из двух — или это самостоятельное строение, или часть соборной мечети. К сожалению, время не позволило В. В. Бартольду продолжить свои работы для решения этого вопроса. И все же результаты его поездки были значительны. Топография Самарканда X в. начала проясняться, ибо раскоп, хотя и не доведенный до конца, давал все основания полагать, что исследователь находится у самого порога мечети. Последующие раскопки в этом месте целиком подтвердили указанное предположение. Только теперь после тщательного осмотра местности и раскопок можно было категорически утверждать, что Афрасиаб вполне соответствует шахристану Самарканда, описанному арабскими географами X в. По вопросу о прекращении жизни на Афрасиабе, Н. И. Веселовский высказал мнение,¹ согласно которому Афрасиаб покинут был только после разгрома Чингис-ханом в 1220 г. Этому же взгляду придерживался до конца своей жизни В. Л. Вяткин, судя по его работе „Афрасиаб — городище бывшего Самарканда“,² хотя В. В. Бартольд уже давно на основании исчерпывающего анализа письменных источников³ доказал, что самое населенное место в Самарканде в X в. „был не шахристан (Афрасиаб), а квартал, расположенный к югу от него в черте нынешнего города“.⁴ Следовательно, жизнь из Афрасиаба постепенно переходила на юг, и уже в X в. была заселена, по крайней мере, часть нынешнего старого города. Ко времени монгольского нашествия Афрасиаб был уже почти покинут. Прежний шахристан, соответствующий по территории Афрасиабу, стал крепостью, в нем оставалась еще соборная мечеть, куда жители ходили на праздничную молитву.⁵ Таков

труба была проведена от территории „мучного базара“ к мечети Хазрети-Хызр на Афрасиабе.

¹ ЗИРАО, II, ХСВП.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб, 19.

³ ВГА, I, 317; и II, 366.

⁴ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, 109.

⁵ ИГАИМК, II, 4—5.

вывод, к которому В. В. Бартольд приходит, преимущественно, на основании рассказа о взятии Самарканда монголами в 1220 г.

Ровно через год, в 1905 г., В. Л. Вяткин¹ по поручению Русского комитета продолжил раскопочные работы В. В. Бартольда на Афрасиабе в районе предполагаемой и почти найденной соборной мечети. Работы эти оказались удачными, соборная мечеть была найдена. Двор мечети представлял вытянутый с запада на восток прямоугольник, площадь ее была огромных размеров — 60 × 35 сажен (2100 кв. саж.). Судя по остаткам, отрытым в земле, стены ее были из пахсы и частью из сырцового кирпича толщиной в $1\frac{1}{4}$ сажени. Повидимому, здание самой мечети находилось вблизи западной (короткой) стены. Судя по найденным фундаментам четырехугольных колонн, двор окаймлен был портиком. Двор мечети был вымощен галькой, местами покрыт слоем угля и золы. Это давало право заключить исследователю, что мечеть эта и была той, которую при взятии Самарканда сожгли войска Чингис-хана. „Под зданием мечети, сожженной Чингис-ханом, оказалась другая постройка, состоящая из нескольких комнат, стены которых сохранились до четырех аршин высоты. Стены сырцовые, несколько раз беленные и штукатуренные“.² Так как „стены комнат не параллельны стенам двора, а находятся к ним под углом“³, то, по всей вероятности, эта постройка более древняя, наверное саманидской эпохи, повидимому, мечеть. Строение же из жженого кирпича, откопанное В. В. Бартольдом, — по всей вероятности, остатки большого минарета, относящегося к более старой, т. е. саманидской мечети. Так, по крайней мере, заставляет нас думать наличие штампа на кирпичях со словом „Ихшид“.

Несколько раньше, в октябре 1904 г., В. Л. Вяткин по поручению Русского комитета произвел раскопки в местности Намаз-гах, за Пайкабакскими воротами (прежде ворота Шейх-Заде). На основании письменных источников („Кандия“, „Самария“) В. Л. Вяткин рассчитывал найти здесь остатки прежней мечети Намаз-гах.⁴ Произведенные раскопки обнаружили остатки здания, однако трудно было решить, чем оно являлось — усыпальницей или мечетью.⁵ Результаты вышеуказанных раскопочных работ 1904 и 1905 гг. были, несомненно, значительным шагом вперед в истории археологического изу-

¹ Известия Русского комитета № 8, 1908 г., 22—36.

² Справочная книга Самаркандской обл., VIII, 1906 г.; В. Л. Вяткин. „Кандия“, 281—282.

³ Там же, 282.

⁴ О воротах Намаз-гах, см. у Джувейни. GMS, I, 94.

⁵ Известия Русского комитета № 7, 1907 г., стр. 12—20; в другом месте (Афрасиаб, стр. 18) В. Л. Вяткин, повидимому, считает, что здесь был буддийский храм.

чения Самарканда. Выше уже говорилось, что Н. И. Веселовский работал, по существу, без исторической проблематики, как вещевед, и если внес что-то ценное, то не как ученый историк-археолог, а как человек, не лишенный наблюдательности и способности к творческим догадкам. Проведенная же работа 1904 и 1905 гг. была подготовлена предварительными изысканиями по письменным источникам, причем подготовлена так, что давала возможность ставить перед раскопками большие исторические задачи. В дальнейшем на ряд лет археологическое исследование Афрасиаба сосредоточивается в руках В. А. Вяткина, — в известном смысле можно говорить о научной монополии его по отношению к Афрасиабу. В. В. Бартольд на нем больше не копал, ибо в технике раскопного дела не считал себя специалистом. Однако, не принимая в раскопках фактического участия, он оставался ответственным руководителем их как представитель Русского комитета; более того, был идеологическим их направителем. В чем же он видит задачи археологической работы в Самарканде? Ему надо доказать, что Афрасиаб — действительно домонгольский Самарканд, что размеры его площади были такие-то, что у него были большие постройки (дворцы, мечети и т. д.), что орошение города шло в таком-то направлении, принимало воду оттуда-то, что некоторую роль в снабжении города водой играли колодцы, что в городе были общественные водоемы (хаузы, открытые и крытые), что в городе были такие-то ремесленные производства, выделявшие такую-то продукцию, что кварталы города имели такой-то вид, улицы были узкие, мощенные галькой или немощенные, что дома строились так-то и из такого-то материала, что для отбросов были так-то устроены ямы и т. д. Конечно, задачи это все важные. Но нигде у В. В. Бартольда в плане постановки вопросов археологического исследования мы не найдем указаний на то, что он интересуется классовой структурой феодального города поскольку последняя отразилась в топографии и характере кварталов, в типе жилища и т. д. Черта эта сказалась и на работах В. А. Вяткина. Попутно нельзя не отметить еще одной черты, которая так характерна для работ этого периода по изучению памятников материальной культуры Самарканда. Я имею в виду теорию влияний. В историческом мировоззрении В. В. Бартольда, где „главный фактор прогресса — общение между народами“, теория влияний является основной. Памятник материальной культуры интересен для него, главным образом с той точки зрения того, в какой мере он отразил в себе то или иное культурное воздействие. Эта мысль, проводимая им еще в самом начале XX в., будет господствующей в работах по археологическому изучению Самарканда, да и

вообще Средней Азии до самого последнего времени. Ниже об этом по поводу тех или иных работ в Самарканде мне не раз еще придется говорить.

Вернемся, однако, к самим работам в Самарканде. Успешность произведенных в 1904 и 1905 гг. раскопок, несомненно, побудила Русский комитет к дальнейшим археологическим изысканиям. На этот раз В. Л. Вяткину было поручено ответственное научное предприятие. В 1908 г. работы сосредоточились на раскопках остатков знаменитой обсерватории Улугбека. Султан Мирза Бабур писал, „что у подошвы Кухака Мирза Улугбек воздвиг огромной высоты трехэтажное здание обсерватории для составления астрономических таблиц“.¹ Однако место это еще не давало точных указаний, и только после того, как В. Л. Вяткину удалось найти вакуфный документ, написанный около 275 лет назад, вопрос стал близок к осуществлению. Дело в том, что документ, описывая границы земельного участка, указывает холм обсерватории (тал-и-расад), арыки Оби-Рахмат и местность Накши Джаган, известные под этим именем и в наши дни.² Надежды В. Л. Вяткина оправдались, и в 1908 г. им была раскопана „половина гигантского квадрата, именно та его часть, которая была под горизонтом, в глубокой, до 17 аршин, траншее, высеченной в скале“.³ Раскоп этот представлял огромное событие и в свое время обратил на себя внимание как востоковедов, так и специалистов по астрономии. Следующей по времени крупной работой нужно считать вскрытие В. Л. Вяткиным в 1912 г. на Афрасиабе, в западной части городища, около Наубехарских ворот⁴ остатков обширного здания. В нем были найдены гипсовые плиты с рельефным орнаментом не позже начала X в. В том же здании была найдена в 1913 г. буддийская фреска, так неожиданно и быстро погибшая, что художник Б. Ф. Ромберг едва успел зарисовать ее изображение.⁵ Уже в 1915 г. в ИАН в своем отчете о поездке в Туркестан В. В. Бартольд высказал предположение, что она могла происходить из буддийского монастыря, который легче всего ожидать в этом районе, ибо место это находится вблизи Наубехарских ворот.⁶ Тогда же им было высказано пожелание,

¹ Бабур-Намэ. Из отрывка, касающегося Самарканда, перевод В. Л. Вяткина; Справ. книга Самаркандской обл., IV, отд. 4, 1896 г., стр. 34.

² Известия Русского комитета, серия II, № 1, 1912 г., стр. 76.

³ В. Л. Вяткин. Памятники древностей Самарканда, стр. 29.

⁴ „Недалеко от той части вала, где когда-то были Наубехарские ворота“ В. В. Бартольд. ИАН, 1916, стр. 1241—1242.

⁵ Зарисовка эта хранится в МАЭ. Фреска находилась, повидимому, в обходном коридоре.

⁶ В. Л. Вяткин думает иначе, по его мнению буддийский монастырь мог находиться на месте Намаз-тах, см. Афрасиаб, 18.

чтобы здесь в ближайшее время произведены были тщательные раскопки. Гибель фрески, которая для науки имела бы большое значение, — прискорбный факт этих раскопок. К сожалению, это не простая случайность, а результат „кустарничества“ раскопочных работ В. Л. Вяткина. У последнего не было, как выше говорилось, научной школы, тем более в области археологической техники. Здесь он был и остался самоучкой. В известном смысле незнание раскопочной техники и было причиной гибели фрески.

Сосредоточив свое главное внимание на чисто исследовательской работе в отношении к памятникам материальной культуры Самарканда и, особенно, самого города, Русский комитет не забывал и другой стороны. Под влиянием землетрясения 1906 г. он выделил особую комиссию в составе Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского и В. В. Бартольда, которой и поручалось выработать меры охраны памятников. Комиссия вынесла решение продолжить изучение, обмеры и фотографирование памятников по примеру Гур-Эмира, Биби-Ханым и Шах-и-Зинде. К сожалению, дело это продвигалось медленно, и фактически было проведено только археологическое изучение и обмеры мавзолея Рух-Абад (у которого от землетрясения 1907 г. пострадал купол) командированным для этой цели архитектором К. К. Романовым в 1908 г. Кроме того, им произведены работы в медресе Мирза Улуг-бек — общий обмер двора и части худжр, подробно обмерена мечеть с ее боковыми павильонами и части главного фасада. Обмер не был закончен по всему зданию и потому в чертежах не был выполнен.¹ Зато удалось развернуть в большом масштабе работы по научной фотографии. Еще в 1905 г. С. М. Дудиным было заснято, по поручению Русского комитета, все изразцовое убранство прекрасных мавзолеев Шах-и-Зинде. В своей записке, поданной Русскому комитету, С. М. Дудин проводил ту мысль, что „цвета изразцов и мозаик на фотографиях передаются достаточно понятно в нюансах фотографического тона; благодаря большой разнице между ними (синий, бирюзовый, желтый, светлый, черный), будут путаться только цвета — желтый и черный, а также зеленый, но отметки на месте помогут легко устранить эти недостатки“.

С. М. Дудин оказался прав, его прекрасные негативы размером 24 × 30, в числе 181, дают исследователю не только полную возможность заниматься сравнительным изучением богатейшего орнамента на мавзолеех Шах-и-Зинде, но и в любой момент (благодаря вышеуказанным свойствам) представить богатую раскраску их мозаик. Не надо забывать, что произве-

¹ Материалы эти хранятся в ИИМК.

денные в 1905 г. снимки являются для многих участков на памятниках Шах-и-Зинде, разрушенных временем и слабой охраной, историческим документом. Опыт 1905 г. оказался настолько удачным, что по предложению Русского комитета С. М. Дудин произвел в 1908 г. работы по фотографированию остальных памятников Самарканда: Рух-Абад, Ак-Сарай, Улугбек, Ширдар, Тилля-Кари, Ишрат-Хана, Чиль-Духтаран, Чапаната, Хаджа Абди-Дарун, Хаджа Абди-Бирун, Хаджа Ахрар, Намаз-гах. Всего 565 негативов, размером 24×30 .¹ К сожалению, коллекция эта, будучи прекрасной по фотографическому исполнению, не дает такого количества деталей, какое есть на снимках с памятников Шах-и-Зинде. Таким образом, к концу 1908 г. почти все архитектурные памятники Самарканда оказались заснятыми. В этом отношении Самарканду повезло.

Едва ли на территории нашего Союза имелся в те годы еще хотя бы один город, где была произведена такая полная работа по фотографированию, притом с такими блестящими результатами. Однако, несмотря на несомненные заслуги в области научной фотофиксации памятников Самарканда, в деятельности Русского комитета оказались элементы непростительного легкомыслия. В том же 1908 г., когда С. М. Дудиным было закончено фотографирование самаркандских построек XIV—XVII вв., им было внесено в Русский комитет принятое последним предложение о научнопоставленной разборке декоративных украшений пришедших, по его мнению, в разрушение первоклассных памятников XIV—XV вв. — соборной мечети Тимура (Биби-Ханым), мавзолеев Биби-Ханым и Ишрат-Хана. Предложение свое С. М. Дудин мотивировал следующим образом. Памятники находятся накануне полной гибели, спасти их нельзя ни ремонтом, ни, тем более, охраной. Лучше для науки — разобрать их декоративные части и свести в центр (в Петербург), чем предоставить их естественному разрушению и расхищению со стороны всяких торговцев стариной.

К счастью, предложение С. М. Дудина осуществлено не было. Вышеупомянутый В. А. Вяткин, тогда хранитель самаркандской старины, сумел выступить против этого, в полном смысле вандальского, предложения, какими бы научными соображениями оно ни прикрывалось. Насколько легкомысленно было это предложение, видно хотя бы из того факта, что все три здания стоят почти в том же состоянии, как и в 1908 г., когда они чуть-чуть не поплатились своим существованием.

Несмотря на то, что и Археологическая комиссия и Русский комитет заботились об охране самаркандских памятников, все же иногда к некоторым из них проявлялось незаслуженно

¹ Хранятся в Музее Этнографии Акад. Наук СССР.

пренебрежительное отношение. Особенно характерным является случай с Ишрат-Ханой, имевший место в 1905 г. В Археологическую комиссию, которая фактически уже отошла от работы в Самарканде, пришла от туркестанского генерал-губернатора бумага, в которой запрашивалось у нее согласие на разборку мавзолея Ишрат-Хана на кирпич, нужный для постройки новых худжр при соседнем мазаре Хаджи Абди-Дарун, ввиду того, „что Ишрат-Хана находится в таком положении, при котором уже здесь, собственно говоря, нечего спасать от разрушительных сил времени, а также нет надежды на то, чтобы постройка когда-нибудь была отремонтирована“.¹ Археологическая комиссия ответила, „что, за почти полным разрушением означенного сооружения, охрана его развалин не представляется необходимой, а потому со стороны Археологической комиссии не встречается препятствий на использование кирпичей из „Ишрат-Ханы для возведения худжр“.²

Головотяпская бумага эта подписана была самим председателем Археологической комиссии А. А. Бобринским. К счастью для Самарканда, разборка не состоялась. Выпущенная из поля зрения и недостаточно оцененная в свое время, постройка эта привлекает в наши дни к себе внимание как выдающийся и своеобразный памятник XV в. В нем уже были раскопки и о нем уже есть отдельная статья.³

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ САМАРКАНДА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отражая два этапа в развитии научной и политической мысли царской России, деятельность Археологической комиссии и Русского комитета, выразившаяся в 22-летней работе, оставила Октябрьской социалистической революции немалое наследство. Многие в этом наследстве должны быть критически переработанным, ряд положений необходимо было отбросить, революцией должны были быть выдвинуты новые задачи, новые точки зрения в самой постановке дела изучения и охраны вещественных памятников Средней Азии и в частности Самарканда. Однако Октябрьская революция не могла сразу обратить серьезного внимания на такой третьестепенный фронт, каким явилось археологическое изучение Средней Азии. Более того, революция не могла быстро выделить ни свежих, по новому вооруженных, специалистов, ни, наконец, быстро идеологически

¹ Архив Археологической комиссии, бум. № 8346 от 25/VIII 1905 г.

² Там же, б. м. № 1532 от 24/XI 1905 г.

³ М. Е. Массон. Ишрат-хана и фрагмент ее пантели. Сборник в честь В. В. Бартольда.

переделать те из старых кадров, которые способны были идти в ногу с требованиями революционной жизни. Дело охраны памятников Самарканда и изучения его прошлого оставалось попрежнему в руках тех, кто и до революции работал в этой области. Нечего и говорить, что силы эти еще долгое время оставались на старых идеологических позициях. Даже лучшие из старых специалистов в этой области, искренно желавшие работать с Советской властью, не смогли дать в течение ряда лет никаких реальных показателей своей идеологической перестройки. Так или иначе, но археологическая работа являла собой все еще отсталый идеологический участок. Только учитывая эти обстоятельства, можно понять, почему на 8-м и даже 12-м году революции в деле изучения Средней Азии и в Самарканде мы видим те же установки, ту же проблематику, что и в начале XX в. Я не хочу сказать, что археологическая мысль стояла на месте, что работа не двигалась вперед и что в ней не было по сравнению с предшествующим периодом тех или иных достижений. Все это, как мы увидим ниже, было; однако, самое направление работ, вся их целеустремленность оставалась прежней. Три первые года революции (1917—1919) археологические работы в Самарканде шли вяло. Жизнь выдвигала на первый план исторически более важные задачи. Приходилось отставивать завоевания революции от белогвардейских банд, и памятники Самарканда первое время не могли вызвать к себе достаточного внимания. Однако первые меры к укреплению сильно наклонившегося и готового упасть северо-восточного минарета медресе Улугбека („в верхней своей части отклонился на 1,8 м от нормального положения“)¹ относятся уже к 1918 г.²

Однако только по восстановлению связей с центром в 1920 г. удалось поставить охрану на реальную почву. В 1920 г. при ЦУАД была организована „Комиссия по охране памятников старины и искусства“³ с тремя секциями: технико-строительной, художественной и археологической. Ничего принципиально нового по сравнению с дореволюционным временем в постановку дела археологического изучения указанная комиссия не внесла. Нельзя даже сказать, чтобы 20-й год взял правильный курс в отношении к ремонтным работам над памятниками Самарканда. Широкий, явно непосильный размах проектируемых ремонтных работ, сомнительные принципы, предлагаемые некоторыми из членов Комиссии в основу предполагаемых реставраций, и вместе с тем отсутствие

¹ Известия Средазкомстариса, вып. I, стр. 9.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Туркестан в 1920 г., ИРАИМК, II, стр. 3.

³ Декрет ЦИК'а Туркеспублики от 30/I 1920 г. за № 191.

средств, сводящее почти к одним разговорам предлагаемые проекты, — вот черты, несомненно характеризующие некоторые моменты этого года. Как пример можно привести проект о планомерной разборке минарета медресе Улугбека и перекладке его с основания, на что уже обратил внимание В. В. Бартольд в своем отчете о командировке в Туркестан в 1920 г.¹ К счастью, Комиссия в целом трезво взглянула на возможность полного искажения памятника и отложила решение „впредь до приглашения авторитетных технических консультантов из Ташкента и центра“.² Дальнейшие работы показали, что идея реставрации архитектурных памятников путем перекладки их с основания, имевшая своих сторонников еще в течение нескольких лет, постепенно была изжита и, насколько мне известно, окончательно оставлена местными работниками. Зато другая мысль, которая также отмечена в упомянутом отчете В. В. Бартольда, мысль о том, что „раскопки должны предшествовать, если не всяким ремонтным работам, то осуществлению всяких более сложных реставрационных проектов“, становится для Самаркандской комиссии³ руководящей идеей.

В этом ее коренное отличие от принципов работ Археологической комиссии и Русского комитета. Там — стремление только описать архитектурный памятник в его настоящем состоянии, не производя раскопок, здесь — расширить возможность изучения введением раскопочного момента, который всегда может принести несколько очень существенных данных. Ниже мы увидим, что раскопки снаружи и внутри построек будут сопровождать многие из последующих работ по изучению того или иного архитектурного памятника в Самарканде. Но есть еще одна сторона, которую нельзя не отметить и которая составляет, в еще большей мере, чем вышеупомянутая, отличительную особенность работ Самаркандской комиссии от предшествующего дореволюционного периода. Я имею в виду несомненно стремление обратить Самарканд в город-музей. В. А. Вяткин, который в течение четверти века уже работал по изучению и охране памятников Самарканда, захвачен этой идеей. Для него музей на втором месте, на первом — музей-город. Вот почему он с такой заботой занят ремонтными работами. Однако последние имеют и другое значение. Как мы увидим ниже, ремонтные работы представляют для него лабораторию, где экспериментальным путем решаются строительные-технологические задачи: технология строительных материалов, техника строительных приемов и другие вопросы

¹ ИРАИМК, II, стр. 5.

² Там же, стр. 5.

³ ИРАИМК, II, стр. 3—4.

технического характера, связанные с зодчеством феодального прошлого Средней Азии.

Несколько слов о В. А. Вяткине, который являлся в начале XX в. участником, а часто и фактическим руководителем ряда работ по археологическому изучению Самарканда. В революционные годы он становится главной фигурой, в известном смысле центром, который научно и организационно группирует около себя все силы по изучению и охране памятников Самарканда.

Писать историю изучения последнего за эти годы — до известной степени писать о В. А. Вяткине. Ему нельзя отказать в большой эрудиции. Он несомненно являлся лучшим знатоком фактического материала. Никто, как он, не знал так хорошо вещественных памятников Самарканда и письменных известий о них. Никто так не ориентировался в топографии старого Самарканда, никто, наконец, так не владел таким ценным историческим источником, как вакуфный документ. Известно, что В. А. Вяткину нельзя отказать ни в исключительной преданности делу, ни в способности работать, не покладая рук. И вместе с тем, выросши в среде русского чиновничества, хотя он и был в его верхних рядах случайным телом, В. А. Вяткин оставался типичным представителем старой буржуазной науки. Более того, не получив специальной исторической школы, он в своих научных приемах, в своей проблематике не всегда был на уровне русской востоковедческой историографии, представителем которой являлся В. В. Бартольд. Археолог-вещевед, с узким кругом подсобных вопросов, преобладал в нем над историком, и это не могло не сказаться на характере и направлении его работ. Характерно, что в 1920 г. работы по археологическому изучению предполагалось начать с того же мавзолея Гур-Эмир, с которого начала в 1895 г. и Археологическая комиссия. Самаркандская комиссия предполагала произвести раскопочные работы по выяснению „общего плана сооружения, первоначальных частей его и позднейших пристроек“.¹ Однако за отсутствием средств выполнить это не удалось. Здесь нельзя не отметить следующего факта. Так же как выход в свет „Туркестана“ В. В. Бартольда предопределил ряд работ на Афрасиабе, имевших место в 1904, 1905 и последующих годах, так и теперь, в 20-х годах, работы в Самарканде, сосредоточенные на Гур-Эмире, связаны с выходом в свет в 1915 г. XXIII т. ЗВО, где помещена была имеющая большое значение для археологии Самарканда и Шахрисябза статья его „О погребении Тимура“. В ней были подняты, на основании тщательного исследования письменных (нарративных)

¹ М. Е. Массон. Известия Средазкомстариса, вып. I, стр. 96, прим. 17.

источников, вопросы, связанные с целым комплексом зданий, среди которых определенное (топографически) место должна была занимать постройка, известная сейчас под именем Гур-Эмир. Статья давала богатый фактический материал, будила много вопросов, рождала ряд догадок, в результате чего мысль исследователя опять должна была сосредоточиться на Гур-Эмире.

Вот почему Самаркандская комиссия так интересуется вопросом о местоположении медресе и ханаки Мухаммеда-Султана, построенных еще до 1399 г., и об отношении их к сохранившимся зданиям — Рух-Абаду (могила Бурхан-ад-дин Сагарджи), Гур-Эмиру и небольшому мавзолею, известному сейчас под именем Ак-Сарай. Во всяком случае, она давала целую программу археологических действий в указанном участке Самарканда. Однако проблематика ее не выходила за пределы формально поставленных топографических и других вопросов, когда нужно было выяснить, где помещались такие здания, как медресе и ханака Мухаммеда-Султана, и чем первоначально являлось нынешнее здание Гур-Эмир и вышеупомянутый мавзолей Ак-Сарай. Неудавшиеся в 1920 г. работы эти частично будут проведены, как мы увидим ниже, в следующие годы. Любопытно и еще одно совпадение работ у Археологической и Самаркандской комиссий. Как в первом случае, мы видим, что после Гур-Эмира внимание сосредоточивается на Биби-Ханым. Однако здесь технико-строительная секция, кроме несбыточных проектов, ничего не дала. 1921 г. принес в организационную жизнь учреждений, занимающихся охраной и изучением памятников старины, значительные изменения. Декретом Совнаркома Туркеспублики² вводилось положение „о комитете при Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы“ (Туркомстарис) с местопребыванием его в Ташкенте и образованием при нем специальной Самаркандской комиссии. После восстановления нормальных связей центра РСФСР с Туркестанской республикой, когда победоносная Красная Армия соединила в одно неразрывное целое Советское государство, в Москве и Ленинграде (тогда Петрограде) усиленно интересуются работами в Средней Азии. Что это так, видно из просмотра протоколов Туркомстариса. На заседании 15/III 1921 г. из сообщения Д. К. Степанова видно, что в Главмузее обсуждаются туркестанские дела; правда, там „относятся отрицательно к вопросу о перекладке минарета Мирзы Улугбека“,³ зато очень сочувствуют большим ремонтным работам. На том же заседании Б. Н. Кастальский, тогда научно-технический руко-

¹ ИРАИМК, II, стр. 7.

² От 23/V 1921 г. за № 127.

³ Протокол № 3.

водитель Самаркандской комиссии, прямо ставит вопрос о катастрофическом положении самаркандских построек. Развернуть большие работы Туркомстарису и Самаркандской комиссии не удалось, ибо материальные возможности Турк-республики не позволили в 1921 г. ассигновать на это дело нужные средства.

Однако лето 1921 г. все-таки увидело в Самарканде большие археологические работы. Соединенными усилиями Глав-музея и Российской Академии Истории материальной культуры в Самарканд была послана научная экспедиция во главе с архитектором А. П. Удаленковым, членом РАИМК, имевшая в своем составе 8 сотрудников, в том числе известного художника К. С. Петрова-Водкина. Экспедиция провела в Самарканде 4 летних месяца. В программу экспедиции входили следующие задачи: 1) консультация по вопросам охраны и ремонта памятников, 2) подробный археологический обмер всей архитектурной группы Шах-и-Зинде, на основании которого можно было провести анализ архитектурных форм, конструкций и строительных приемов.

Кроме того, экспедиция ставила себе и дополнительные задачи: а) технологию строительных материалов и б) декоративное убранство.

Как видно из перечисленного перечня вопросов, экспедиция ставила себе широкие задачи в области строительной техники феодального прошлого Средней Азии на материале одного из наиболее замечательных архитектурных памятников Самарканда.

В составе экспедиции не было ни историка, ни даже археолога-востоковеда. Это были архитекторы и художники, некоторые из которых, как глава экспедиции А. П. Удаленков, прошли школу археологического изучения архитектурных памятников главным образом на материале русского зодчества. Как и следовало ожидать, экспедиция из ряда поставленных перед собой задач по количеству времени, которое она провела на месте (4 месяца), могла выполнить только археологический обмер Шах-и-Зинде. За 4 месяца удалось тщательно обмерить всю верхнюю группу, два безымянных мавзолея по западной стороне коридора и всю среднюю группу. Для нижней удалось полностью осуществить только планы, частично фасады и разрезы двух мавзолеев. Вся работа была в общем построена по тому же принципу, что и работа Археологической комиссии по Гур-Эмиру.

Говоря по существу, А. П. Удаленков не внес ничего нового по сравнению с тем, что делал и как делал П. П. Покрышкин (его учитель), работая над Гур-Эмиром. Та же тщательность обмера, то же аккуратное и добросовестное выписывание на чертежах деталей, отражающих состояние в настоящий

момент изучаемого архитектурного памятника, те же, наконец, художественно исполненные рисунки орнаментов. Раскопок, связанных с потребностями археологического изучения памятников, экспедиция не производила. В этом тоже нельзя не усмотреть традиции работ по Гур-Эмиру. А между тем, это коренной вопрос для археологического изучения истории строительного дела. Ведь на самом деле, отказываясь от раскопочного приема, исследователь ставит себя в условия, когда он дает научное описание памятника в его настоящем состоянии, а не в том, в каком он был в момент постройки. Я не хочу подчеркнуть ненужность подобной работы, она, конечно, имеет огромное значение, но ее еще мало для того, чтобы изучить памятник, как он на самом деле существовал в свое время. Для решения последней задачи необходимо ввести тот раскопочный прием, о котором говорилось выше и который один только может показать здание в его настоящем размере. Нельзя же забывать, что ни один из старых памятников, насчитывающих за собой 500 лет жизни, не дошел до нас, не будучи частично засыпан землей. Более того, как можно решать вопросы строительной техники на Востоке, не учитывая размеров фундаментов зданий, а сделать этого без раскопок нельзя. Сосредоточивая работу по археологическому изучению Шах-и-Зинде только на обмерах, хотя бы и самых точных, входящих в него построек, экспедиция ограничивала себя чисто формалистическим подходом. На этом пути не только нельзя подойти к решению вопросов, связанных с процессом материального производства в строительном ремесле, во всей его полноте, но и к решению узких вопросов строительной техники. Экспедиция ставила в число задач, которые она должна была решать, — анализ архитектурных форм, конструкций и строительных приемов, а также технологию строительных материалов. Прошло около 12 лет со времени окончания работ экспедиции в Самарканде, а мы до сих пор не имеем ни одной статьи ни руководителя экспедиции, ни кого-либо из ее участников по выдвинутым выше вопросам.

Едва ли это молчание может быть оправдано невозможностью опубликовать обширные материалы экспедиции по археологическому обмеру Шах-и-Зинде. Причины, конечно, лежат в другом. Ни один из поставленных выше вопросов не может быть решен только на материале Шах-и-Зинде. Более того, даже тщательное изучение других образцов архитектуры Средней Азии соответствующей эпохи не могло бы помочь их решению, ибо вопросы эти могут быть решены, когда, кроме вещественных памятников, будут привлечены и письменные источники, а также такой ценный изобразительный материал, как миниатюры.

К сожалению, экспедиция не была составлена так, чтобы коллективно и комплексно можно было проработать все эти вопросы. Экспедиция была продуктом традиций, которыми жили еще работники прежней Археологической комиссии, хотя все научное предприятие было проведено под знаком РАИМК и Главмузея.

И если сам глава экспедиции А. П. Удаленков мало был связан практической работой с Археологической комиссией, то направление, которое он придал всей работе, целиком шло от традиций последней, столь ярко представленных в работах его талантливого учителя П. П. Покрышкина. Тематика работ экспедиции не могла не сказаться и на подборе состава экспедиции (сплошь архитекторы и художники, если не считать одного химика), что, в свою очередь, отразилось на односторонности, а, следовательно, и беспомощности решения вышеуказанных вопросов. Несколько слов о работах вышеупомянутого химика и технолога экспедиции А. Т. Федотова. Здесь выбор был уже явно неудачен. А. Т. Федотовым был поставлен вопрос о технике мозаичных наборных изразцовых композиций, которые так характерны для некоторых из мавзолеев Шах-и-Зинде. Его явно несостоятельная теория о том, что частицы их не выпиливались, „а вырезались посредством наложения перегородчато-контурного резца — трафарета — на сырой пласт основной массы черепка, после чего наносился цветной пламень“, встретила возражение со стороны покойного уже специалиста С. М. Дудина.

Последний в своей статье „К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии“¹ убедительными аргументами опроверг основные положения этой теории и доказал, что частицы выпиливались из одноцветных глазурованных плит, после чего и составлялось определенное композиционное целое.² Не смог ничего сделать А. Т. Федотов и по вопросу о технологии строительных материалов. Сложный этот вопрос, над которым Самаркандская комиссия усиленно работала все последующие годы, так и остается в главных своих частях нерешенной проблемой, и трудно сказать, когда еще наука откроет утерянные рецепты изготовления тех замечательных глазурей, которые так сверкают на феодальных постройках Средней Азии. Критически подводя итоги экспедиции 1921 г. в Самарканде, отмечая ее недостатки, мы вместе с тем должны подчеркнуть, что обработанные ею материалы (чертежи, рисунки, кальки и т. д.) представляют капитальную научную ценность.

¹ ИРАИМК, № 4, стр. 183—204.

² Еще раньше С. М. Дудина к этому же выводу пришел и Я. И. Смирнов в своих неопубликованных описаниях мозаичных изразцов из Сарая, хранящихся в Госуд. Эрмитаже.

Их необходимо издать, снабдив всеми выводами, которые можно будет сделать на основе произведенного археологического обмера и тех непосредственных наблюдений, которые были сделаны экспедицией как на месте работ, так и в Ленинграде в процессе обработки приведенного материала.

И как бы ни были ограничены эти выводы, все же они вместе с материалом послужат толчком к дальнейшему изучению феодального восточного зодчества.

Работы Самаркандской комиссии в 1922 г. сосредоточивались главным образом на группе мавзолеев Шах-и-Зинде и Регистана. Исследование же Гур-Эмира пришлось оставить „впредь до производства архитектурно-археологических обмеров и статистических расчетов“.¹ Как бы учитывая ошибки экспедиции 1921 г., Самаркандская комиссия решила в ремонтные работы по Шах-и-Зинде внести раскопный момент, значение которого, как выше было отмечено, она теоретически признала еще в 1920 г. Ремонтные работы сосредоточились главным образом на верхней площадке коридора Шах-и-Зинде, где укреплялись порталы мавзолея Ходжа-Ахмеда, мавзолеев 762 и 808 гг. хиджры. Здесь укреплялись облицовки (на двух первых резные поливные терракоты, на последнем изразцовые наборные мозаики), хотя производились и другие работы. Интересные результаты дала раскопка у мавзолея Ходжи-Ахмеда (здание, повидимому, середины XIV в.). Раскопки производились с целью выяснить связь портала с остальной частью здания, для чего и нужно было вскрыть фундаменты. В открытом помещении оказалось четыре надгробных памятника, однако только западный уцелел настолько, что можно было судить о его форме и росписи.² По свидетельству производившего раскопки М. Е. Массона, фрески были очень хороши, даже исключительны по яркости своих красок, но выведенные на воздух и свет они погибали, хотя часть их удалось с помощью фиксирующего раствора козеина и яичного желтка спасти.

Раскоп у мавзолея Ходжи-Ахмеда дал еще интересную находку — небольшое детское надгробие (0,79 × 0,41 м), облицованное резными поливными изразцами, валявшееся в кусках и реставрированное М. Е. Массоном.³ На нем имеется имя мастера: „Работа Омара Джемала“. Наконец, отрыт был и склеп, где первый раз в средней Азии найдено было погребение в деревянном гробу, хотя по письменным источникам эти погребения нам хорошо известны (вспомним описание

¹ Отчет о работах Самаркандской комиссии, представленный В. А. Вяткиным в 1925 г. в Средазкомстарис, напечатан на машинке.

² Известия Туркестан. Отд. Российск. Геогр. общ., XVII, стр. 155—156.

³ Хранится в Самаркандском музее.

похорон Мухаммеда-Султана¹ и Тимура². Производились в 1922 г. небольшие ремонтные работы и на Регистане, во всех трех медресе (Улугбек, Ширдар, Тилля-Кари).

В 1923 г. работы в Самарканде шли за отсутствием средств вяло. Зато годы 1924 и особенно 1925 проходят значительно оживленнее. Летом 1924 г. в Самарканде появляется немецкий ученый, историк искусства, Кон-Винер. О его поездке в ИРАИМК (т. IV) есть статья В. В. Бартольда. Не будучи специально приглашенным ни центральными, ни местными научными учреждениями, не являясь востоковедом, Кон-Винер смог принести в работу над памятниками Самарканда только глаз историка стилей. Его работа, заключая, в силу полного незнакомства с историей Средней Азии, да и Востока вообще, ряд ошибок, ценна не результатами его исследований, а постановкой искусствоведческих вопросов, которыми по сути дела никто в Средней Азии не занимался. Однако, не будучи искусствоведом-марксистом, работая чисто формалистически, мысля лишь формальными аналогиями, оперируя только „теорией влияний“, Кон-Винер не мог даже поставить ни одного вопроса из сферы художественной формы так, чтобы это оказало действительную помощь работникам по изучению памятников Самарканда. Осенью того же 1924 г. Самаркандская комиссия сосредоточила свои работы на Гур-Эмире и лежащей от него на ю.-в. в 27 саженях постройке, известной сейчас под именем Ак-Сарай. В Гур-Эмире, по словам одного из участников работ М. Е. Массона,³ уже в 1923 г. „обнаружился кризис в состоянии свода sklepa центрального помещения мавзолея Гур-Эмир, где над ним резко обозначалась осадка средней части пола“. Нужно было приступить к немедленному ремонту. Все это и привело к тому характеру работ, который за последнее время, как выше было отмечено, выработался в Самарканде. Ремонт сопровождался раскопками, каждый из моментов которых подвергался фотографической регистрации, заносился в дневник, изучался, — в результате чего самый ремонт становился одним из способов изучения памятника. Параллельно с этими работами заложены были два шурфа, оба на юго-восток от восьмиугольника здания, для установления наличности одного из предполагаемой дополнительной пары минаретов.

Однако фундамент найден не был, из чего можно было заключить, что второй пары минаретов не было вовсе. Отсылая интересующихся этой работой к специальной статье М. Е. Мас-

¹ Ш е р е ф - а д - д и н - А л и - Я з д и. Зафар-Наме, II, Калькутское изд., стр. 498.

² Там же, II, стр. 668.

³ Известия Средазкомстариса, I, стр. 82.

сона,¹ я упомяну только некоторые выводы и вопросы, к которым пришел исследователь.

1) Здание сооружалось не в один, не в два, а в несколько приемов.²

2) Необходимо определить „время сооружения минаретов и дворовых построек“.

3) Необходимо определить „план и время сооружения южных построек“ и т. д.

Тогда же были произведены раскопки в здании, известном под именем Ак-Сарай. Выводы того же исследователя сводились к следующему: 1) здание несомненно принадлежит к эпохе Тимура и Тимуридов; 2) здание является мавзолеем и выстроено так, что с самого начала предназначалось для погребения; 3) обнаруженное при раскопках погребение относится к позднему времени.

Произведенные работы в Гур-Эмире и Ак-Сарае дали участнику их М. Е. Массону новый материал для того, чтобы вновь поставить вопрос о месте первоначального погребения Мухаммед-Султана и Тимура и тем самым попытаться распутать тот клубок, который образовался в связи с вопросом о том, какое положение Гур-Эмир и Ак-Сарай занимают по отношению к медресе и ханаке Мухаммед-Султана, не оставившим на поверхности земли никаких видимых следов. Вывод М. Е. Массона вкратце сводился к следующему. Клавихо описывает не Гур-Эмир, а Ак-Сарай, который строился по приказанию Тимура еще до его приезда в Самарканд в июле—августе 1404 г. Что же касается слов Шериф-аддин-Али-Язди о построении, согласно приказу Тимура после его приезда в Самарканд, куполообразного мавзолея и склепа, то они относятся к Гур-Эмиру. Таким образом, Ак-Сарай был построен раньше Гур-Эмира, законченного только после смерти Тимура. Мне представляется, что мнение М. Е. Массона едва ли может быть признано убедительным. Все попытки решить вопрос, опираясь только на письменные источники и на топографическую ориентацию в связи с частичными раскопками, ни к чему не приведут. До тех пор, пока не будут произведены серьезные археологические разыскания (путем раскопок) медресе и ханак Мухаммед-Султана, нельзя решить вопроса, ибо только местоположение последних даст ответ на вопрос, какое отношение к ним имеет Гур-Эмир. Лишь когда мы узнаем, является ли Гур-Эмир самостоятельным зданием или частью комплекса Мухаммед-Султана, можно будет разрешить все неясности, связанные с Ак-Сараем.

¹ М. Е. Массон. Результаты археолог. надзора за ремонтно-исслед. работами, Известия Средазкомстариса, I.

² Там же, стр. 95 и сл.

Найти же фундаменты мудресе Мухаммед-Султана, повидимому, не так уж и трудно.

Не подлежит сомнению, что Гур-Эмир (как бы мы его ни рассматривали — как самостоятельное здание или как часть медресе Мухаммед-Султана) и Рух-Абад должны были составлять определенный архитектурно выдержанный комплекс зданий, и искать его, по мнению самаркандского архитектора-археолога М. Ф. Мауэра,¹ принимавшего участие в работах по Гур-Эмиру, надо на оси зданий Гур-Эмира и Рух-Абада. Во всяком случае это одна из интересных историко-топографических задач по изучению тимуровского Самарканда. Попутно, в связи с вышеуказанными работами в Гур-Эмире, следует остановиться на одной любопытной детали. Еще в 1921 г. в XXV томе ЗВО В. В. Бартольд в статье „Новые данные о самаркандских памятниках“ привел рассказ Мухаммед Казима,² везира города Мерва, из его обширной истории Надир-Шаха о том, что полководцем последнего, Лутф-Али-ханом, после взятия Самарканда вывезены по приказанию Надир-Шаха в Мешхед знаменитый нефритовый камень (надгробие Тимура) из Гур-Эмира и двойные металлические ворота из мечети Биби-Ханым. Доставленные в Мешхед, они тем же государем были возвращены назад в Самарканд. Повидимому, у Надир-Шаха первоначально было желание использовать нефрит для предполагаемых им построек в Дерезе.

Как видно из вышеизложенного, за первые годы революции по археологическому изучению Самарканда до 1925 г. сделано было мало, если не считать все еще не опубликованных результатов археологического обмера Шах-и-Зинде экспедицией в 1921 г. В самой постановке работ археологического изучения Самарканда произошло мало перемен. Ни проблематика, ни методика изучения не изменились. Несомненное достижение Самаркандской комиссии в методике ремонтных работ — введение раскопочного момента, стремление превратить ремонт в археологическое исследование, главным образом по линии изучения техники строительного дела.

В 1925 г., когда было закончено национальное размежевание Средней Азии, Туркомстарис превращен был в Среднеазиатский комитет (Средазкомстарис), во главе которого поставлен был Д. И. Нечкин. Им была написана помещенная в I томе Известий Средазкомстариса руководящая статья „Задачи и ближайшие цели Средазкомстариса“.

Напрасно бы мы стали искать в ней новых установок и новой, по сравнению с дореволюционным прошлым, проблема-

¹ Мнение высказано в личной беседе со мною.

² ЗВО, XXV, стр. 85—88.

тики. Статья говорит о необходимости учета археологических памятников, о важности ремонтных работ, о целесообразности составления археологической карты Средней Азии, о перспективах больших раскопочных работ и т. д. Но самая постановка всех этих задач чисто формалистическая. Вот характерное место из его статьи: „Несомненно руководящей целью при реконструкции того или иного памятника будут не только моменты реставрации, но и необходимость выяснения другой задачи, а именно — установления истории развития формы и системы памятников, дабы иметь основание к суждению о тех или других влияниях на архитектурное происхождение памятника“.¹ Ничего здесь, кроме формалистически трактуемых „влияний“, мы не найдем. В статье не поставлен даже вопрос о строительной технике, не говоря о других, более широких, проблемах.

Наиболее интересным, продуманным и продуктивным в смысле ремонтных работ в Самарканде был 1925 г., нашедший свое отражение в статье производителя работ архитектора Б. Н. Засыпкина „Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация“,² статье интересной, но местами не лишенной некоторых исторических ошибок. Главные работы того года сосредоточены были на медресе Шир-дар, построенном в 1028—1045 гг. хиджры (1619—1635 гг. х. э.). Причиной послужило „катастрофическое положение свода главного портала, ветхость плоских перекрытий, предельная деформация некоторых сводов, обвалы и разрушения декоративных облицовок и угрожающее состояние северной стены“.³ Работам этим с самого начала придан был характер археологических исследований согласно положению, что ремонт есть один из способов изучения памятника. „Основными принципами, — пишет Б. Н. Засыпкин, — применяемыми в работах, являлись: сохранение памятника по возможности в том виде, как он дошел до нас; ремонт и восстановление конструктивно необходимых частей, производимое в первую очередь... укрепление и восстановление декоративных облицовок там, где это вызывается технической необходимостью; восстановление утраченных частей только по документальным данным в натуре...“

„При выполнении самих работ использованы местные мастера, сохранившие некоторые традиции и навыки своих великих предков, а также ряд строительных приемов, как, например, кладки сводов без кружал и пр. Материал употреблялся аналогичный памятнику, т. е. кирпич и алебастр местного приготовления, а в некоторых случаях употреблялся известный

¹ Известия Средазкомстариса, том I, стр. 8.

² Вопросы Реставрации, стр. 137—178.

³ Там же, стр. 169.

раствор (подкладки цокольных частей) и железо-бетонные плиты для устройства новых плоских перекрытий".¹ В известном смысле можно считать ремонтные работы этого года повторными в деятельности Самаркандской комиссии. Б. Н. Засыпкин оказался первым архитектором-археологом, который вышел за пределы формалистического подхода к ремонтируемым и изучаемым памятникам.

Для него самый процесс ремонта сделался научной лабораторией, в которой тщательно изучались материалы, строительные приемы, конструкция постройки и т. д. Ремонтируемый памятник был, по существу, только поводом к постановке серьезных вопросов по истории строительной техники феодальной Средней Азии. И действительно, вышеупомянутая статья его, положившая начало ряду дальнейших изысканий в этой области, с первых же страниц обнаруживает более глубокую тематику, чем это наблюдалось раньше в работах по археологическому изучению Самарканда. Основной интерес автора в том, чтобы с помощью тщательного изучения сохранившихся построек овладеть опытом строительного искусства работавших когда-то здесь мастеров. Вот почему он изучает: 1) свойства основного строительного материала, обожженного кирпича, и его размеры; 2) скрепляющие растворы — глину и особенно алебастр, правильно отмечая, что в свойствах последнего лежит разгадка изумительной прочности зданий, особенно их способность сопротивляться разрушающей силе сейсмических явлений; 3) приемы кладки; 4) особенности конструкций и их закономерную зависимость от используемого материала. Однако Б. Н. Засыпкин не удовлетворяется вопросами голой техники, прекрасно понимая, что полное познание последней в большей мере зависит от понимания самой организации строительного труда. Опираясь на анализ только вещественных источников, не будучи специалистом по истории Средней Азии, он все же приходит к мысли, что в строительном ремесле существовало уже развитое разделение труда, где над осуществлением той или иной стороны и стадии постройки работали самостоятельные по отношению друг к другу, но подчиненные главному мастеру, артели. В упомянутой статье своей он даже намечает их, как вполне определившиеся организации по специальностям. Однако, как и следовало ожидать, Б. Н. Засыпкин не мог пойти дальше некоторых робких предположений. Не будучи историком, не владея письменными восточными источниками, он ощупью подошел к тому, без разрешения чего нельзя изучать всей совокупности процессов строительного дела эпохи

¹ Там же, стр. 167—168.

феодализма. 30 лет (считая с момента начала работ Археологической комиссии над Гур-Эмиром, т. е. с 1895 г.) должно было пройти, чтобы только на 8-м году революции был поставлен элементарный, казалось бы, вопрос о том, что нет техники вне социальной среды, вне господствующей организации труда, вне исторически конкретных форм эксплуатации рабочей силы. К сожалению, ни сам Б. Н. Засыпкин, ни Самаркандская комиссия не поставили этих вопросов в порядок дальнейших научно-исследовательских работ и, судя по ходу последних, сосредоточили свое внимание опять только на узко технической тематике. Из вышеизложенного ясно, что главные работы по археологическому изучению Самарканда за весь рассмотренный нами период революции, т. е. до 1925 г., сосредоточены были на ремонте и связанном с ним исследовании строительной техники. За отсутствием, повидимому, нужных средств, раскопки на Афрасиабе и его окрестностях не производились.

И только летом 1925 г. В. Л. Вяткин после долгого перерыва возобновил эти работы. Но мы напрасно стали бы ожидать здесь какой-нибудь строго продуманной программы и, тем более, новой проблематики.

Тематика раскопочных работ, приемы раскопочной техники, принципы выбора раскапываемых объектов остаются старыми. Работы 1925 г. проведены были в том самом месте, где в 1912 г. открыты рельефные алебастровые плиты, а в 1913 г. — погибшая буддийская фреска. Здесь была найдена еще панель, однако сильно поврежденная, „отдельные куски которой разбросаны тут же на земле и на полу“¹. „Главные работы, — докладывает Средазкомстарису В. Л. Вяткин, — сосредоточены на холме, к северу от этого помещения. Здесь отрыто сохранившееся до верха парусов здание из пахсы с кирпичной накладкой и ряд могил. Найденные монеты датируют здание III в. хиджры. Со всех сторон к центральному купольному зданию примыкают другие постройки, план которых затемнен последующими надстройками. Часть этих помещений была купольная. В одной из них стена украшена по алебастровой штукатурке надписью, обычной у мусульман: „Во имя бога милостивого и милосердного. Скажи: он господь един, господь вечен“. Почерк надписи — почерк монет времени Саманидов“².

К сожалению, В. Л. Вяткин не опубликовал своего отчета об этих раскопках, так же как он не опубликовал и других, более поздних, работ своих на Афрасиабе. Собственно говоря,

¹ Заседание Средазкомстариса 7/VI 1925 г. Протокол № 3.

² Там же.

мы не имеем за послереволюционный период ни одного опубликованного отчета, что ставит будущих исследователей Афрасиаба в более чем затруднительное положение. Для суждения об этих работах приходится довольствоваться краткими суммарными справками, которые он делал для того или иного заседания Самаркандской комиссии или вышестоящих органов (Средазкомстарис, Узкомстарис). В известном смысле материал можно получить из его книжки „Афрасиаб — городище былого Самарканда“, вышедшей в 1927 г. Но всего этого для правильного суждения о раскопочных работах, конечно, мало. В том же 1925 г. была начата интересная работа по изучению живописи (росписей) в мавзолее Ак-Сарай. Работа эта произведена была художником И. К. Мрочковским. В 1926 г. работы по археологическому изучению Самарканда, а также ремонты за отсутствием необходимых средств шли вяло. Предполагавшиеся большие работы ремонтного характера в мечети Биби-Ханым и медресе Улугбека перекладываются на 1927 г., фактически работы этого года сведены были к продолжению изучения художником И. К. Мрочковским живописи Ак-Сарая и главным образом к изучению росписей в мавзолее Биби-Ханым и Ишрат-Хана. Кроме того, в 1926 г. произведены были обмерные и чертежные работы по двум выше-названным памятникам, причем по мавзолю Биби-Ханым было сделано 6 археологических обмеров, а по Ишрат-Хане — 8 архитектурных чертежей. Исследования художника И. К. Мрочковского несомненно представляют определенный интерес. Им был затронут один из совершенно не исследованных вопросов — о роли, месте и характере живописи в системе декоративного убранства архитектуры феодальной Средней Азии. Летом 1926 г. разрешен был, наконец, и один из самых больших вопросов Самаркандской комиссии, вопрос о северо-восточном минарете медресе Улугбека. Минарет ввухал уже давно большие опасения за свою судьбу. От перекладки его с основания, как мы видели выше, Самаркандская комиссия отказалась еще в 1920 г., и теперь встала проблема его выпрямления. На заседаниях Средазкомстариса от 14 и 15 мая обсуждался и был принят проект выпрямления самаркандского архитектора-инженера М. Ф. Мауэра с поправками московского специалиста инженера В. Г. Шухова. На основании этого постановления в том же 1926 г. Самаркандская комиссия заключает договор с Машинотрестом на предмет изготовления конструкций по выпрямлению минарета. Однако дело это по техническим условиям оказалось нелегким, требовало больших средств и дорогих материалов. Во всяком случае, как мы увидим ниже, должно было пройти 6 лет, прежде чем удалось (правда, блестяще) вновь поставить минарет по

вертикали.¹ Самаркандская комиссия большое значение придавала широкой популяризации памятников культуры и искусства своего замечательного города, в связи с чем и изданы были в Ташкенте в 1926 г. три ценных брошюры М. Е. Массона — Соборная мечеть Тимура, известная под именем Биби-ханым, Мавзолей Гур-Эмир и Регистан и его медресе.

В 1927 г., наконец, после долгих ожиданий вышла первая сводная работа В. Л. Вяткина по археологическому изучению Афрасиаба под заглавием „Афрасиаб — городище былого Самарканда“. От книжки этой все, кто так или иначе своими научными интересами связан был с историей Средней Азии, ждали многого. Даже те, кто заранее знал, что от автора нельзя получить на уровне современной науки обобщающего труда по археологии одного из интереснейших среднеазиатских городищ, рассчитывали увидеть большой систематически собранный, документированный и тщательно проанализированный фактический материал. Однако книга во многом не оправдала возлагаемых на нее надежд. Прежде всего, поразила она всех отсутствием каких бы то ни было ссылок и справок. Так наз. рабочий научный аппарат у нее отсутствует совершенно. В данном случае признание, что она преследовала чисто популяризаторские задачи, не может оправдать этого факта. Ведь нельзя же забывать, что в условиях, когда годами не опубликовывались отчеты о раскопках, читатель, тем более специалист, имеет право рассчитывать, что хоть в одной работе он найдет указания — где, когда, при каких условиях, в каком комплексе, помощью каких приемов получены были изучаемые вещественные памятники. Но этого мало, поражает еще одна черта вышеуказанного труда. Книга написана на основе анализа одного только археологического материала, без привлечения (если не считать несколько замечаний) письменных источников. А между тем, как бы ни были скудны сведения последних, они многое сделали бы автору более ясным, чем это видно из его работы. Факт этот тем более поразителен, что В. Л. Вяткин, как известно, был прекрасно ориентирован в письменных источниках. Это скорее материалы к историческому труду, чем сама история. Первая глава его посвящена интересному вопросу топографии Афрасиаба. В. Л. Вяткин внимательно описал то, что собой представляет современное городище; некоторые части этой главы, как, например, описание стен, сделаны даже мастерски с большим знанием изучаемого объекта. Да и вообще глаз В. Л. Вяткина достаточно наблюдательный, чтобы не пропу-

¹ В 1932 г. минарет был, наконец, выпрямлен. См. М. Г. Массон. Крат. истор. справка о Среднеазиатских минаретах. Материалы Узкомстатриса, вып. 2—3, Ташкент, 1933.

стить ничего примечательного. Правильно положение автора, что внутренние стены Афрасиаба должны рассматриваться как веки роста города. Однако он не делает попытки исторически осмыслить этот важный вывод. Едва ли можно сомневаться, что городище Афрасиаб всей своей топографической структурой, если к ней подойти не статически, а динамически содержит в себе материалы, которые дают возможность поставить вопрос о происхождении и развитии феодального города, каким и был Самарканд периода его жизни на территории Афрасиаба. В. Л. Вяткин нигде не делает попытки разобраться в том, что такое шахристан с точки зрения его социальной, вернее классовой структуры, как он отражен в своей топографии. Не ставит он вопроса и о рабаде, на территории которого, собственно говоря, и развился феодальный восточный город, как центр ремесленно-торговой жизни. В известном смысле позиция В. Л. Вяткина, замкнувшегося в описании того, что можно увидеть или найти на городище, есть шаг назад от положений В. В. Бартольда, который еще в своем „Туркестане“ (1900 г.) поставил, хотя и не во всей полноте, вопрос о социальном характере среднеазиатских городов в начале завоевания Средней Азии арабами. А между тем, если бы В. Л. Вяткин положил в основу всех своих археологических, а тем самым и раскопчных работ указанную проблему, то у него был бы в течение ряда лет строго очерченный круг вопросов, над разрешением которых он и работал бы. Более того, при строго формулированной исторической тематике в процессе самой археологической работы выработался бы и ряд приемов раскопчного и иного исследования, которые направлены были бы на решение основной задачи. В. Л. Вяткин прекрасно понимал, что цитадель на Афрасиабе вместе с теми одиннадцатью десятинами, которые окружены были стеной,¹ есть первоначальное поселение, как бы начальная точка развития будущего города. Если это действительно так, в чем сомневаться нет оснований, то раскопчная работа здесь должна была быть направлена главным образом на поиски таких вещественных памятников, которые отражали бы в себе эту наиболее раннюю стадию развития города. А между тем, в плане работ этот важный вопрос не стоял. Фактически направление раскопчного исследования шло случайно, останавливаясь лишь на том, что попадалось под руку. Вот почему часто происходило так, что раскапывались объекты, имевшие значительно более позднее происхождение, чем тот период, которому соответствовала первая внутренняя стена. Конечно,

¹ В. Л. Вяткии. Афрасиаб, стр 6.

на трудности работы в области вышеупомянутой исторической тематики нельзя закрывать глаза. Слои на Афрасиабе, как это и отмечает сам В. Л. Вяткин, перепутаны. Кроме того, в наиболее древних частях городища можно при раскопках натолкнуться на остатки, соответствующие более позднему времени. Но едва ли и В. Л. Вяткин считал, что эти трудности непреодолимы. Если бы В. Л. Вяткин, работая над первоначальным поселением Афрасиаба, привлек бы письменные источники и в частности данные „истории Бухары“ Нершахи, книги, которая ему была хорошо известна, то в соответствующем месте¹ ее он нашел бы достаточно материала, чтобы хотя бы по аналогии, в общих чертах, поставить вопрос о социальной структуре соответственной стадии городской жизни на изучаемом городище. В. Л. Вяткин этого не делает, так же как нигде не делает попытки вскрыть социальный смысл термина „шахристан“ в отличие его от термина „рабад“.² Судя по разбираемой работе его, для него даже не существует вопроса о классовой структуре той начальной стадии городской жизни, которая отражена в термине шахристан. А между тем, решение этого вопроса для археолога, работающего на таком памятнике, как Афрасиаб, является чрезвычайно важным моментом исследования.

Не поставив вопроса о шахристане в смысле тематики для археологических изысканий в Афрасиабе, не выдвинул В. Л. Вяткин и вопроса о рабаде.

В своей книге, как выше отмечено, он правильно считает внутренние стены Афрасиаба вехами роста города. Опираясь на них, можно было поставить важный вопрос: когда и где на Афрасиабе образовался рабад? Нельзя же думать, что шахристан Самарканда занимал всю площадь современного городища Афрасиаба. Этому противоречит отчасти и факт нахождения раскопчным путем целых кварталов ремесленников-гончаров между второй и третьей стенами внутри Афрасиаба. Вот что пишет В. Л. Вяткин по этому поводу: „Между второй и третьей стенами, на восток от главного арька, по возвышенности расположены были дворы горшечников с печами для обжига поливной посуды. Они занимали всю площадь от арька до восточной стены, и даже часть их переходила за стену в ю.-в. углу. Здесь приготавливалась посуда почти исключительно „саманидского“ типа, о которой будет сказано дальше. По другую сторону арька находились печи для

¹ Нершахи. История Бухары, изд. Schefer'a, персид. текст, стр. 52 и сл.

² См. толкование этих терминов у В. В. Бартольда. К истории Мерва, ЗВО, XIX, стр. 117 и дополнение к стр. 117. Под „шахристаном“ мы имеем в виду послекушанский доарабский город Средней Азии.

обжига неполивной посуды, бомб, „очажков“, светильников и проч. Печи эти выходили и за южную стену и были даже многочисленнее за стеной. Эти места были сплошь заселены горшечниками“.¹ Наличие целого квартала ремесленников-горшечников, выработывавших посуду саманидского типа, дает право трактовать это поселение, как феодальный город в полном смысле этого слова. Где же территориально лежал первоначальный рабад Самарканда? В. Л. Вяткин считал, что рабад начинался за наружной, т. е. 4-й, стеной Афрасиаба, но ведь это ничем никогда не было доказано. Решить этот вопрос можно только на основе тщательно проведенных раскопочных работ. К сожалению, за отсутствием у В. Л. Вяткина подлинно исторической постановки археологического исследования, вопрос этот и не ставился. Сами же раскопки на Афрасиабе были по тематике случайны, обильный материал не локализован и не документирован, в результате чего сейчас, когда все эти вопросы возникают, не знаешь, как собрать концы. Нужно, повидимому, заново поставить раскопочные работы на Афрасиабе, чтобы шаг за шагом проследить, где начался рабад (ремесленно-торговое предместье), за первой ли еще стеной, или только за второй. В. Л. Вяткина можно упрекнуть, однако, не только за отсутствие у него вышеуказанной тематики, но и за то противоречие, которое по вопросу о размерах доарабского шахристана имеется в его работе. Считая внутренние стены вехами роста города, рассматривая последнюю, т. е. наружную, стену как постройку домусульманскую, он вместе с тем пишет: „Относительно третьей (т. е. внутренней. — А. Я.) стены можно сказать, что она построена незадолго до наружной, так как при ее возведении разрезали ров ю.-з. часть квартала горшечников с их печками и домиками, часть которых оказалась под первой стеной. Посуда из этих печей гончаров относится к VIII—IX вв.“² Одно из двух — или датировка посуды неверна, или, если она верна, то при его взгляде, что внутренние стены являются вехами роста города, четвертая стена Афрасиаба могла появиться не раньше IX в., т. е. значительно позже арабского завоевания, а раз так, то и размеры домусульманского шахристана были меньше, а следовательно, и первоначальный рабад надо искать в другом месте. Отсутствие продуманной исторической тематики сказалось на всей работе В. Л. Вяткина об Афрасиабе. Описывая характер построек, мостовые улиц, систему орошения (арыки, хаузы, кубуры, колодцы) и т. д., В. Л. Вяткин не останавливается на вопросе, к какому периоду города они

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб, стр. 16.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб, стр. 13.

относятся, уже не говоря о том, что он нигде не останавливается на социальной атрибуции изучаемых вещественных памятников. Следует коснуться, хотя бы в самых общих чертах, построения остальных частей его труда. Характерно самое название глав: терракотовые статуэтки, оссуарии, глиняная неполивная посуда, поливная посуда, очажки, терракотовые плиты, конические сосуды, стеклянное производство. Как видим, здесь дан голый перечень находимых на Афрасиабе категорий предметов. И действительно, заглавия эти не случайны, они предопределяют и самую тематику глав. Рассказывая, например, об оссуариях, автор говорит только о них, но отнюдь не использует этот тип вещественных памятников как исторический источник для решения ряда вопросов.

Правда, и он вскользь упоминает, что изображения на их лицевой стороне заключают в себе материал для представления о постройках того времени, но все это делается только походя, без какого бы то ни было ударения на этом. Нельзя отказать В. Л. Вяткину в том, что он прекрасно знает вещи. Он их умело, тщательно описывает, подробно рассказывает, как они изготовлялись, но это все.

В его книге читатель не найдет ни чертежей, ни фотографии места находок, ни указаний на те комплексы, в которых многие из этих предметов находились во время раскопки, ни, наконец, попытки датировать их, хотя всякий, кому приходилось беседовать с покойным археологом, знает, что у него на этот счет были твердые представления, по крайней мере по целому ряду предметов. Прежде всего, грешат формалистическим подходом главы, посвященные поливной и неподливной глиняной посуде. Не делая попытки их датировать, разбив и описав их только по определенным типовым группам, автор не ставит по поводу их ни искусствоведческих, ни чисто исторических вопросов. И это тем более досадно, что уже тот материал, который им приведен, дает возможность не только дать этим предметам их социальную атрибуцию, но и вскрыть этапы той эволюции художественной идеологии, которая представлена в богатой орнаментике знаменитой афрасиабской керамики. Не подчеркивает В. Л. Вяткин и того факта, что огромное количество ремесленников-гончаров (целые кварталы их) на определенном этапе развития города указывает на большую торговлю этими изделиями, когда их покупал не только сам город, но и соседняя сельская округа. Итак, на всей работе лежит печать неисторического подхода. В некотором отношении исключением является глава о терракотовых статуэтках, где В. Л. Вяткин делает первую попытку использовать головки в качестве источника по вопросу об этнических группах, которые населяли долину

реки Зарафшана, а следовательно, Самарканд и его окрестности.

В своем отчете за 1929—1930 гг. Узкомстарис¹ по линии исследовательской работы писал: „Раскопки на Афрасиабе были начаты еще до революции, но тогда они носили еще несистематический характер и только, начиная с прошлого года, они входят в русло плановости. Последнее явилось не чем иным, как результатом суммирования и обработки всех ранее полученных материалов археологом Узкомстариса В. Л. Вяткиным в его книге „Афрасиаб — городище бывшего Самарканда“, вышедшей в свет в 1927 г.» Увы, как бы ни была ценна по своему материалу книга В. Л. Вяткина, ее ни в коем случае нельзя считать директивной в смысле дальнейшего направления работ по археологическому изучению Афрасиаба. Книга В. Л. Вяткина завершает определенный этап в истории археологического изучения Средней Азии. Автора, да и некоторых других работников нельзя упрекать в незнании фактического материала. С большой энергией, неутомимостью работники того этапа собирали археологические факты и накопили большой материал. Однако, не имея строго продуманной исторической проблематики, не умея обращаться именно в силу этого с вещественным памятником, как с историческим источником, не владея необходимыми приемами (с точки зрения техники и методики наших дней) раскопочной работы, — В. Л. Вяткин вынужден был замыкаться в узкий круг научного вещеведения с некоторым выходом в сторону изучения техники того или иного ремесла или рассуждений на тему о тех или иных „культурных влияниях“, иногда и весьма ценных. В известном смысле археологическая практика Самаркандской комиссии отставала от положений, выставленных В. В. Бартольдом. По словам последнего, „археология, как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача историка, причем это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда“.² Книга В. Л. Вяткина и была шагом назад от вышеприведенного положения. В ней покойный археолог выступил не как историк, а как археолог-вещевед. Для вещеведения, как известно, характерным является преобладание интереса к продукции художественного ремесла, как такового. До некоторой степени черта эта была не изжита и В. Л. Вят-

¹ Из архива Узкомстариса за 1929—1930 гг.

² ЗВО, XXV, стр. 352.

киным. Его главное внимание все-таки было сосредоточено на памятниках художественной культуры оторванно от исторической среды.

„На основании постановления Средазэкономсовета от 7 апреля 1928 г., № 75, с 1 октября с. г. Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис) считать ликвидированным“, так гласило распоряжение по Наркомпросу Узб. ССР от 3/X 1928 г. На месте закрытого Средазкомстариса на территории Узбекской республики в течение 1928—1929 гг. оформилось новое руководящее учреждение — Узкомстарис.

Для Самарканда эти перемены большого значения не имели. Во всяком случае, они не принесли ни нового курса, ни новых средств. Работы 1928—1929 гг. сосредоточены были, с одной стороны, на технологических вопросах, с другой — на Афрасиабе. Выше уже отмечалось, что одно из достижений Самаркандской комиссии — превращение ремонтных работ в лабораторию для изучения строительного дела в эпоху феодализма. В указанном плане Узкомстарисом под руководством В. Л. Вяткина поставлены были следующие задачи:

„1) Найти прочный черепок для кирпича, близкий по составу к старинным, из которых сложены старые постройки медрас.

2) Подогнать к кирпичу поливу, пригодную в случае надобности для реставрации памятников.

3) Найти кашин, т. е. мягкий черепок для мозаики и поливу к нему.

4) Найти черепок и поливу старых посуды времени саманидов из раскопок на Афрасиабе“.¹

Нечего и говорить о важности этих работ, они очевидны. Вот как сам Узкомстарис оценивает результаты работы вышеуказанной своей лаборатории. „Керамической мастерской Узкомстариса были начаты работы с основы всякой керамики — черепка. Работа производилась не исключительно с местными глинами; черепок из лесса, взятого в местности, где расположен конский базар, смешанный с гильмаей — глиной жирной и пластичной, взятой с Чупан-Ата, при подмеси песка представляет хорошую продукцию различной крепости и пористости в зависимости от пропорций глины и песка, а также в зависимости от температуры обжига. Изготовленный таким образом черепок вполне пригоден для реставрационных работ. Из той же глины при подмеси шамота (?) и речного гравия получается черепок при обжиге высокой температуры (960°), очень сходный с черепком очагов, вернее их обломков, находимых на

¹ Из отчета Узкомстариса о деятельности за 1928—1929 гг.

Афрасиабе. Для посуды пригоден этот же черепок, только в несколько иной пропорции (красной глины — 2 части, гильмайи 1 часть, песка белого $\frac{1}{2}$ части и растительного пуху 1 часть). На нем можно работать ангобой белой, красной и черной, в случае если покрывать ею высушенный, но необоженный горшок. Опыт с пенджекентской глиной показал, что глина (3 сорта) обладает пластичностью и полной пригодностью для отливки самого тонкого черепка, благодаря чему эту глину можно употреблять для культурной керамики, черепок этот держит прекрасно глазурь. Эта же глина пригодна для изготовления фаянса или полуфаянса высокого качества. Глазури для всех черепков, над которыми работала керамическая мастерская, были свинцово-прозрачными. Достаточно хороших глазурей, до 15. Большим достижением в отчетном году в работе керамической мастерской было изготовление кашина. Нельзя утверждать, что кашин окончательно подогнан к старой мозаике, но во всяком случае он весьма близок по своим качествам и подогнанной глазури к старым образцам. Из него можно резать простым ножом какие угодно фигуры мозаики, причем глазурь не откалывается и режется очень легко вместе с телом черепка“.

Как видно из вышеприведенного места, Узкомстарис очень высоко расценивал результаты своих достижений в области археолого-технологических работ. Здесь нельзя не увидеть несколько преувеличенного впечатления, происшедшего от увлечения этими работами. Специалисты, видевшие эти результаты и отмечавшие их некоторые успехи, все же считают, что данный этап исследований и опытов далеко еще не дал образцов, которые были бы идентичны продукции прошлого. Впрочем, впоследствии и сам руководитель работ (имеется в виду не непосредственный исполнитель их¹) В. Л. Вяткин несколько разочаровался в результатах. Во всяком случае, самый факт опытов в этом направлении нельзя не считать целесообразным, и, быть может, недалеко уже то время, когда и здесь решены будут эти, казавшиеся еще так недавно неразрешимыми, технические загадки прошлого.

Как и много лет назад, перед нами стоит одна из интересных проблем по истории культуры Средней Азии — проблема происхождения среднеазиатских архитектурных памятников и в частности знаменитых построек Самарканда XIV—XV вв. Еще в 1887 г. Н. И. Веселовский в своей первой статье о надгробном памятнике Тимура в Самарканде² писал: „Персидские мастера, отметившие имена свои на воздвигнутых

¹ Им был художник — керамист Пуцилло.

² Труды VII Археол. съезда, II, стр. 97.

зданиях, ввели персидское искусство в Средней Азии. Но как все заносное, не выросшее на родной почве, оно там не было прочно. Хотя персиане и передавали туземцам свои знания, приемы, вкусы, хотя следы всего этого заметны в Средней Азии и ныне, но искусства среди сартов не развились". Через 18 лет, выпуская альбом „Самаркандские мечети“, он проводил ту же мысль. Искусство, „как заносное извне,— писал он в предисловии к альбому,¹—после Тамерлана вместо того, чтобы развиваться, стало падать и на новой почве не пустило глубоких корней". Под „новой почвой“ Н. И. Веселовский подразумевал тот период в истории Средней Азии, когда она находилась под властью узбекских ханов. Н. И. Веселовский так до конца дней своих и оставался при этом взгляде. Стоит ли подчеркивать, как характерны для всего мировоззрения Н. И. Веселовского эти слова.

Спорить с Н. И. Веселовским не приходится, настолько ненаучной и реакционной представляется нам его мысль, однако необходимо подчеркнуть, что, выдвигая тезис о полной неспособности узбеков XVI и XVII в. к продолжению культурных традиций тимуровского времени, он должен был сознательно пройти мимо ряда фактов. Послетимуровские постройки в Самарканде как в XV в. (медресе Улугбека в Самарканде, Ишрат-Хана), так и в XVII в. (Ширдар, Тилля-Кари) почти в полной мере продолжают традиции тимуровского времени, хотя и выявляют некоторый упадок, вызванный общими историческими условиями, о которых здесь нет ни времени, ни места говорить. Однако нельзя согласиться с Н. И. Веселовским и в основном, а именно с его положением относительно того, что постройки Тимура есть продукт завозной культуры, и только. Конечно, его мнение, что строителями многих самаркандских памятников были персидские мастера, не подлежит сомнению, об этом говорят и надписи и письменные источники. Но это далеко не решает вопроса. Мастер, выписанный или насильно вывезенный из другой страны, попадая на почву культурную, с традициями, в среду с определенным уровнем общественного развития, с определенной классовой идеологией, не может игнорировать местные вкусы и образцы. Самой логикой жизни он вводится в среду, знакомится с тем, что есть, и, только учтя окружение, принимается за работу. Сколь бы нового ни принесли с собой мастера, вывезенные Тимуром из Ирана, ничего принципиально отличного от того, что здесь было, они не создали. Перемен в строительном деле они не произвели, и никакого разрыва в строительном искусстве между тем, что было в дотимуровское время, и тем, что дела-

¹ Самаркандские мечети, — Гур-Эмир, стр. V.

лось при нем, нет. В заслугу Самаркандской комиссии, ее работникам и в частности В. Л. Вяткину, надо поставить тот факт, что они своими работами по ремонту и связанным с ними исследованиям строительных памятников доказали, что персидские мастера и в технике и, в основном, в декорровке продолжали делать то, что делалось и до них, внося, правда, и свое, но так, что это „свое“ не ломало прежнего.

Исследуя технику и архитектурное оформление строительного дела в Самарканде, мы должны признать, что постройки, возведенные за несколько десятилетий до переброски сюда мастеров из Ирана, были, по существу, явлением того же технического и идеологического круга. В этом отношении должны быть убедительны — мавзолей Ходжа-Ахмед в группе Шах-и-Зинде, построенный, повидимому, не позже середины XIV в., и стоящий рядом с ним мавзолей 762 г. хиджры, т. е. 1360/61 г. х. э. Созданные еще до Тимура, который, как известно, пришел к власти в 1370 г., они, так же как и мавзолей Туркан-ака и Туглу-Текин, возведенные в 70-х и 80-х годах, т. е. уже при Тимуре и при непосредственном участии и руководстве персидских мастеров, являют собой в основном образцы однотипных построек с декорровкой из резных поливных терракот. Имея в общем близкие конструкции, один и тот же тип пышно разработанных порталов, все плоскости которых сплошь залиты глазурными красками, так что они производят впечатление в большей мере произведений керамики, чем архитектуры, мавзолеи эти так близки друг другу по технике, приемам и орнаментной тематике, что только опытный глаз специалиста сможет уловить их индивидуальные особенности и найти то новое, что внесено было персидскими мастерами в строительную, вернее декоративную практику местных работников. Внимательно просматривая декорровку указанных построек, можно заметить, что в мавзолее Туркан-ака, над которым работали, судя по надписи, два персидских мастера — Зейн-ад-дин и Шемс-ад-дин (а это наиболее раннее из тимуровских зданий в Самарканде),¹ преобладающими являются еще приемы и орнаментная тематика, так ярко проявленная в дотимуровских Ходжа-Ахмед и мавзолее 762 г. хиджры 1360/61 г. х. э. Специалист, конечно, усмотрит и новое (богатые растительные росписи глазурными красками с характерными натурализованными стеблями и листьями), однако оно так умело введено в привычный среднеазиатским и в частности самаркандским мастерам строй орнаментной техники, что становится совершенно ясным, как легко было инозем-

¹ Дата смерти Туркан-ака 1371 г.; повидимому, около этого времени построен и мавзолей.

ному мастеру работать на новой почве. Еще более разителен пример с соборной мечетью Тимура в Самарканде, развалины которой известны сейчас под именем Биби-Ханым. Мечеть, как это мы знаем из письменных источников, строили персидские мастера (1399—1405), однако ни формы ее, ни декоративное убранство не являлись совершенно новыми. Более чем за 10 лет до нее начат постройкой знаменитый дворец Тимура в Шахрисябзе, Ак-Сарай, который имеет много общего по своим архитектурным формам и декоративке с тимуровской мечетью, а его, как известно, отделяли от персидских, а среднеазиатские (ургенчские) мастера. Вышеупомянутая близость вполне понятна, ибо, как мы видели выше, уровень общественного развития в областях Ирана и Средней Азии в рассматриваемую нами эпоху был почти один и тот же. Насильственно переброшенным в Самарканд персидским мастерам не надо было ломать в себе привычных художественных форм, ибо идеология феодальных заказчиков и в Персии и в Средней Азии по существу была почти одна и та же. Но при большом сходстве в основном, в строительной и декоративной технике Ирана и Средней Азии были специфические черты, особенности, которые легко и быстро перерабатывались в новых условиях, целесообразно приспособиваясь к богатому опыту строительного дела в Средней Азии и в частности в Самарканде, как это мы и видим на примере так наз. тимуровских построек. Заслуга Самаркандской комиссии не только в том, что она на фактах установила, что нет разрыва в постройках дотимуровского времени и работой персидских мастеров, но и в том, что она своими исследованиями показала прямую связь построек Средней Азии XIV в. со строительным делом в предшествующую эпоху. Последующие годы Самарканд привлекал как объект археологического исследования меньше внимания. Перед археологами СССР встали другие темы. Начался период археологических работ в еще малоисследованных районах Средней Азии — Хорезме, Семиречьи, разных пунктах Зарафшанской долины. Уже первые годы этих работ принесли значительные для исторической науки результаты. Самарканд с его замечательным Афрасиабом оставлены, конечно, не надолго, и едва ли нужно быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда он вновь станет предметом дальнейшего углубленного изучения.

HISTOIRE DES ÉTUDES ARCHÉOLOGIQUES DE SAMARKAND

Dans cet article l'auteur fait un exposé de l'histoire des fouilles qui eurent lieu à Afrassiab (ruines de Samarkand à l'époque pré-mongole) à partir des années 70 du XIX s. jusqu'à 1928.

En s'arrêtant successivement sur chaque étape des études archéologiques l'auteur analyse les problèmes posés et résolus par les archéologues qui prenaient part aux fouilles et résume la valeur de leur travail scientifique. Parallèlement à l'histoire des fouilles à Afrassiab l'auteur expose l'histoire des études et de la conservation des remarquables monuments d'architecture de Samarkand.

Les faits mentionnés par l'auteur démontrent avec évidence que pendant toute la période d'avant la Révolution on avait fait moins pour la conservation et les études des monuments d'architecture de Samarkand que pendant les dix premières années depuis la Révolution Socialiste d'Octobre.

A. Yakoubovsky
